

История Общество Политика 2023 №3(27)

Брянский
государственный
университет
имени академика
И.Г. Петровского

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИКА

№ 3(27)
2023

ББК 63/66
И 90

ИСТОРИЯ. ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА. 2023. №3 (27)

Сетевое научное периодическое издание.

Точка доступа: <http://www.clio-brgu.ru>. Размещено на официальном сайте журнала: 30.09.2023

Научное сетевое издание, в котором представлены результаты научных исследований в направлениях: теория, методология, историография; история и политика: метаморфозы и символы власти; интеллектуальная история; история повседневности; исторические портреты; политические науки: история и теория; история международных отношений; проблемы преподавания истории.

Редакционная коллегия

Председатель Редакционного совета: доктор филологических наук, профессор **А.В. Антюхов**.

Главный редактор: **С.В. Артамошин** - доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Заместитель главного редактора: **А.В. Федин** – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Члены редакционной коллегии:

И.В. Алферова - доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.Ф. Блохин - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

С.Ф. Блуменау - доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.И. Золотов - доктор исторических наук, профессор;

А.В. Сагимбаев - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

Е.А. Шинаков - доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Ответственность за фактические данные, представленные в статьях, лежит на их авторах

© РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского», 2023
© Коллектив авторов, 2023

HISTORY SOCIETY POLICY

**N 3 (27)
2023**

HISTORY. SOCIETY. POLICY. 2023. №3 (27)

Network scientific periodical.

AP: <http://www.clio-brgu.ru>. Placed on the official website of the journal: 30/09/2023

Scientific network edition, which presents the results of research in the areas of theory, methodology, historiography; history and politics: Metamorphoses and symbols of power; intellectual history; history of everyday life; historical portraits; political science: history and theory; History of International Relations; problems of teaching history.

Editorial team

Chairman of the Editorial Board: doctor of philological sciences, professor **A.V. Antyukhov**.

Editor in Chief: **S.V. Artamoshin** - doctor of historical sciences, professor, Dean of the Faculty of History and International Affairs of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Deputy Editor: **A.V. Fedin** - doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Department of General History and International Relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Members of the editorial board:

I.V. Alferova - doctor of historical sciences, associate professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.F. Blokhin - doctor of historical sciences, associate professor, head of the department of national history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

S.F. Blumenau - doctor of historical sciences, professor, Department of General History and International Relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.I. Zolotov - Doctor of historical Sciences, Professor;

A.V. Sagimbayev - doctor of historical Sciences, Associate Professor, head of the department of general history and international relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

E.A. Shinakov - doctor of historical sciences, professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Responsibility for the evidence presented in this paper lies with their authors

© Bryansk State University named after Petrovskii, 2023

© Authors, 2023

Содержание

ИСТОРИЯ РОССИИ

<i>Майоров А.А.</i> «Державец», «Дзяржаўца», «Dzierżawca» - особенности трактовки терминов-омонимов в историческом исследовании	6
<i>Федосов А.В.</i> Отражение истории Древней Руси в современных украинских учебниках истории	11

ИСТОРИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

<i>Федоров А.Б., Бредихин А.Л.</i> «Вместе с другими нашими армиями ...» (70-я армия в Курской стратегической оборонительной операции 5-12 июля 1943 г.)	16
<i>Ширнин-Волков С. Л.</i> Ганс Ешпунк: карьера, её взлёт и падение	22

ИСТОРИЯ ИДЕЙ И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

<i>Прилуцкий В.В.</i> Церкви змееносцев в Южных Аппалачах в XX-XXI вв.	26
--	-----------

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Мясоедов А.И., Иванова С.П.</i> Модель изменения статуса межэтнических беспорядков	38
<i>Богданов Е.С.</i> Феномен «культурного расизма» в современной Европе	54
<i>Прилуцкий В.В., Стефашина И.Г.</i> Исторические аспекты информационной безопасности: от древности до современности	62

О сетевом издании «История. Общество. Политика»	67
--	-----------

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94 (47).04

А.А. Майоров

«ДЕРЖАВЕЦ», «ДЗЯРЖАЎЦА», «DZIERŻAWCA» - ОСОБЕННОСТИ ТРАКТОВКИ ТЕРМИНОВ-ОМОНИМОВ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Аннотация: языковая и историческая близость зачастую может ввести исследователя в заблуждение и заставить сделать ошибочные выводы. Одним из примеров такого рода является термин «державец», имеющий в русском, польском, украинском и белорусском языках своих близнецов-родственников, несущих частично либо значительно иное лексическое значение. Ощутимую путаницу вносит в понимание источников присущая авторам XV-XVI вв. вольность в использовании терминов, иноязычность которых в ряде случаев не всегда понятна.

Ключевые слова: «державец», «дзяржаўца», «dzierżawca», «держава», «дзяржава», «dzierżawa», опасность ошибки понимания

Mayorov A.A. "Derzhavets", "dziarzhavtsa", "dzierżawca" - features of the interpretation of homonymous terms in historical research

Abstract: the linguistic and historical proximity of some multilingual terms can mislead the researcher and force him to draw erroneous conclusions. One example of this kind is the term "derzhavets", which has its twin relatives in Russian, Polish, Ukrainian and Belarusian, bearing partially or significantly different lexical meaning. Great confusion is introduced into the understanding of many sources by the freedom inherent in the use of terms by the authors of the 15th-16th centuries, the foreignness of which in some cases is not always clear to them.

Keywords: "derzhavets", "dziarzhavtsa", "dzierżawca", "derzhava", "dziarzhava", "dzierżawa", danger of misunderstanding

В числе возможных проблем любого исследования вопрос точности понимания и трактовки используемых терминов и определений, традиционно (хотя и не вполне точно) называемый в отечественной практике «вопросом о дефинициях», является одним из важнейших. Не разобравшись предварительно, какой смысл несет тот или иной термин для участников исторического процесса (создателей исторического источника), сложно, а порой и невозможно прийти к ясному и четкому пониманию их сути, событий и явлений. Дополнительным фактором, весьма ощутимо и, зачастую, негативно воздействующим на предлагаемые исследователем трактовки исторических событий, являются термины, порожденные всегда различающимися семантическими полями различных языков, в особенности, родственных между собой.

Одним из такого рода случаев являются термины, порожденные изначально культурно-языковой общностью юридических и административных систем русской (великие княжества Московское, Рязанское, Тверское и т.д.) и литовско-польской (Великое княжество Литовское, а, через него, Речь Посполита). Будучи, причём довольно часто, порождением изначально единого древнерусского административно-правового пространства, они со временем всё более расходились, используя всё более различные термины, понятия и смыслы, что, порой, приводит современного исследователя в недоумение либо может иногда вызвать ошибочность трактовки того, либо иного явления.

Одним из интересных примеров такого рода является использование термина «державец». В русской практике мы встречаем его неоднократно: «державец новосильский» М.И.Воротынский, «державец Шемахинский» Хузрев-хан, «державец Терновский Воейко Войтегович», «державец Трубчевский» А.Н.Трубецкой, «Самодержец и Вседержитель и великого Царского Скипетра Державец Российского Государства» Лжедмитрий и множество других [6, с.257; 1, с.184; 11, с.11-12; 9, стб.471; 5, с. 4]. Приведенный список не является исчерпывающим, он, скорее, иллюстрирует географическую и хронологическую широту применения термина. Помимо того, в русских документах также имеются многочисленные упоминания различных «державцев» литовских, польских и даже шведских. Но о том – немного далее.

При внимательном рассмотрении вопроса несложно заметить, что единого и однозначного порядка применения этого термина в российской практике не существует. Державцем именуется и наследник князей Новосильских (а через них и великих Черниговских) М.И.Воротынский, и потомок великого князя Гидемина А.Н.Трубецкой, и «чудесно спасшийся наследник Дмитрий Иоаннович», и правитель Шемахинского ханства. Во всех отмеченных случаях имеется указание на высокий статус и большую степень самостоятельности правителя, названного таким образом. В российском обычае этот титул лексически возводится к «державе» – самостоятельному государству, в решении внешних и внутренних вопросов, ориентированных, прежде всего, на соблюдение собственных интересов. Это соответствует и ранней языковой практике: согласно словарю русского языка XI-XVII в. слово «державецъ» переводится самым общим образом как «Правитель, властитель» (любопытен в этой связи приведенный словарем пример от 1675 г. «А миру тому державец диявол») [7, с.222].

После выхода в 1833 г. работы Леопольда фон Ранке «Великие державы» (*Die großen Mächte*) термин «великая держава» стал означать суверенное государство, играющее определяющую роль в международных отношениях [8, стб.879-881; 2, с.130-132]. А потому отношение к термину «державец» (пусть не всегда осознанно) стало почти обязательно подразумевать его значительность и важность. Любопытно, что украинский перевод знаменитой работы «Государь» Н.Макиавелли, в оригинале названной «Il Principe», в одном из своих вариантов называется именно «Державецъ» [13].

Но, как известно, славянская терминология русским (в широком смысле этого слова) обычаем отнюдь не ограничивается. В отличие от российского обычая, литовская (западно-русская) практика, двигаясь за польской (которая опиралась на собственную политическую и языковую традицию) отнюдь не возвеличивала термин «державец», а, напротив, двигалась в сторону его умаления. Безусловно, как и у нас, на северо-востоке, там он также первоначально относился к знатым, богатым и влиятельным людям. Недаром в источниках, повествующих о делах Великого княжества Литовского мы встречаем упоминания о существовании так называемых «держав» – бывших княжеств либо крупных территорий, вошедших в состав ВКЛ и управляемых назначаемым непосредственно великим князем представителем или наместником. До конца XIV века управление тем или иным регионом (первоначально русским, а затем литовским) осуществлялось обычно наместником либо тиуном, но постепенно ситуация менялась: «Со времени же сближения с Польшею словарь литовско-русских должностей и званий увеличился тремя новыми названиями для органов местного управления: „староста“, „воевода“, „державца“» [4, с.64]. В Польше же довольно рано, в противоположность русскому обычаю, термин «державец» стал означать не слишком высокого чиновника: «помощниками их (старост – М.А.) в известной степени были и державцы (*tenutarii*) отдельных королевских имений в повете, заведывавшие крестьянами этих имений» [4, с.66]. О польских значениях – немного дальше.

В административно-управленческой практике Великого княжества Литовского, после начала сближения с Польшей, наблюдается постепенное, но неуклонное снижение статуса и значения «державца», особенно заметное в первой половине XVI в.: «...название „наместник“ стало постепенно выходить из официального употребления и в приложении к великокняжеским урядникам, державшим волости и подчиненным воеводам и старостам, и заменяться названием „державца“. Слово это первоначально... обозначало собою всякого, кто получил от великого князя „в держание“, т.е. управление с правом пользоваться определёнными доходами, город или двор с тянувшим к нему округом. ...Но на ряду с этим державцами называются и низшие великокняжеские урядники, власть которых простиралась только на отдельные волости или части земель» [4, с.68].

М.Любавский отмечал, что ко времени принятия первого Статута Великого княжества Литовского в 1529 г. «слово „наместник“ почти совсем вышло из официального употребления в приложении к органам общего управления и суда в областях и заменилось словом „державца“. Сам Статут уже не знает наместников, а державцев, которые являются в нем судьями низшего ранга, подчиненными воеводе, как высшей инстанции. ...название „державца“ постепенно приобрело значение специального термина, стало обозначать известный разряд должностных лиц в областной судебно-административной иерархии» [4, с.69]. Здесь с ним нельзя согласиться в полной мере в части выхода термина «наместник» из употребления, но касательно преобладания «державца» в количественном и качественном отношении возражений не возникает [10].

Хорошо сформулированные положения нуждаются только в подробном цитировании: «Круг деятельности наместника-державцы... захватывал все классы местного населения. Он был в большей мере органом общего управления в местности, чем тиун; хозяйственный обязанности легли на него в придачу к его общей судебно-административной деятельности и вследствие того, что ему пришлось взять под свой надзор и руководство или даже заступить собою местного тиуна» [4, с.71]. Касательно же «державы» М.Любавский указал, что «...державою назывался всякий округ, который давался великим князем „в держание“, т.е. в управление с правом пользоваться при этом известными доходами... С течением времени, однако, слово „держава“ прочно утвердилось за теми правительственными округами, которыми заведовали наместники-державцы и которые были населены господарскими подданными разных служб и наименований, приблизившись, таким образом, в своём обозначении к слову „волость“» [4, с.73].

Несложно заметить разницу в восприятии статусности и значимости употребляемых терминов на относительно небольшом расстоянии от государственной границы (которая становилась и границей смысловой для разных вариантов пока ещё формально единого языка). В настоящее время понимание термина «державец, державца» относительно практики Польско-Литовского государства не изменилось. Белорусские историки, активно использующие возможность обращаться как к российским, так и к польским наработкам, вполне активно используют термин «державца» («дзяржаўца») для обозначения временного управителя: «дзяржаўца, службовая асоба ў ВКЛ, кіраўнік, часовы ўладальнік дзяржавы. У 16 ст. ўдзяржанне аддаваліся гаспадарскія двары або замкі з прылеглай да іх воласцю, цэнтрам якой яны звычайна з'яўляліся. Да 16 ст. называўся намеснікам або цівуном. Дз. прызначаўся вял. князем па яго выбары або па хадайніцтве рады зліку шляхты - «да волі і ласкі гаспадарскай» або «да жывата», г.зн. пажыццёва, пры гэтым Дз. на карысць вял. князя плацілі «чалабіцце» [12, с.589]. Также и двойственность термина «держава» вполне очевидна: «дзяржава - дзяржаўнае зямельнае ўладанне ў ВКЛ у XV—XVIII ст., якое знаходзілася ў распараджэнні пэўнай асобы - дзяржаўцы - на вызначаных умовах трымання. Складаліся з адной ці некалькіх вёсак або нават

іх частак. Дз. - у 15--16ст. розныя па велічыні тэрыторыі, некаторыя з іх паступова ператварыліся ў спараствы, тады яны часам называліся «стараствы ці дзяржавы» [12, с.588].

Похожие результаты дает обращение к украинским исследованиям: «ДЕРЖАВЦА, ДЕРЖАВЦЯ ч.... (у польському королівстві помічник старости, що завідував королівськими маєтками; у литовсько-руській державі намісник, що управляв волостю) державець» [14, с.295]. Слово же «держава» получает четыре разных смысловых наполнения: «ДЕРЖАВА... 1. (адміністративна одиниця) округ... 2. влада, панування... 3. (самостійна держава зі своїм урядом) держава... 4. виконання обов'язків старости, намісника, державця» [14, с. 295].

В старопольской терминологии имеется несколько слов, повлиявших на возникновение термина. Среди них наиболее очевидны три, каждое из которых имеет по несколько значений. Первое – «Dzierżawa, Dzierżawa, Dzierżewa» со значениями – «владение», «земельное имение, поместье», «сдача в аренду, использование чужого имущества за плату». Второе – «Dzierżawca, Dzierżawca, Dzierżewca» переводится как «владелец по властному титулу», «заложенный арендатор», «владелец». И третье, самое многозначное – «Dzierżec, Dzierżec, Dzierżec» с десятью значениями: «удерживать (возможно, руками)», «держат в качестве заложника», «владеть как собственностью или арендовать», «выполнять функцию, представительствовать», «наблюдать и удерживать», «рассматривать в качестве», «держат в определенном месте или состоянии», «включать и содержать», «терпеть», «удерживать себя в руках» [15, с. 303-305]. На фоне столь широкой многозначности неудивительно, что для персон русско/древнерусскоязычных точное понимание оттенков старопольских смыслов не всегда было возможно, что порождало возможность вести некие «терминологические игры», столь частые в политике. Кстати, в польском языке и позднее продолжалось постепенное, но неуклонное понижение статуса данного термина: польское слово «dzierżawca» в настоящее время переводится на русский язык как «арендатор», а величественно звучащая для русского уха «dzierżawa» обозначает всего-навсего «аренду» либо «арендную плату», и, только изредка, как устаревшее, «владение» [3, с.184].

В ходе взаимодействия русских, русско-литовской и польской управленческих систем неоднократно происходило «наслоение смыслов», ошибочное восприятие и неверное понимание смыслов и терминов, которыми оперировали иноязычные и инокультурные собеседники. На территориях, прилегающих к русско-литовским, русско-польским, а порой и иным внешним границам, судя по дошедшим до нас документам, прослеживается весьма вольное и не всегда последовательное применение указанного термина – иногда вслед за русской традицией, иногда – польско-литовской, а зачастую просто «по аналогии». Судя по всему, исторические деятели неоднократно (когда неумышленно, а когда и преднамеренно) прибегали к использованию особенностей отмеченной терминологической неопределённости. Неудивительно, что подобного рода активность в сочетании с продолжавшейся эволюцией смысловых полей хоть и родственных, но, безусловно, различных языков, может привести исследователя, не рассмотревшего в деталях отдельные неочевидные особенности постепенного модифицирования применяемой терминологии, к поспешным, а иногда и ошибочным выводам. Задача понимания истинного значения использованного термина всякий раз является сложной и индивидуальной.

Библиографический список

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 4. 1645-1676. СПб.: Тип. 2-го Отд-я Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1842. 592 с.
2. Вайнштейн О.Л. Леопольд фон Ранке и современная буржуазная историография// К критике новейшей буржуазной историографии: сборник статей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 113-149.

3. Гессен Д., Стыпула Р. Большой польско-русский словарь. Warszawa: Wiedza Powszechna, 2001. 656 с.
4. Любавский М. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М.: Университетская типография, 1892. 1006 с.
5. Оболенский М. Сборник князя Оболенского. № 9. М., 1838. 26 с.
6. Послания Ивана Грозного. Подготовка текста Д.С.Лихачев и Я.С.Лурье. Перевод и комментарии Я.С.Лурье. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951. 715 с: ил.
7. Словарь русского языка XI-XVII вв. Выпуск 4 (Г-Д). Главный редактор С.Г.Бархударов. М.: Издательство «Наука», 1977. 403 с.
8. Советская историческая энциклопедия. 11. ПЕРГАМ-РЕНУВЕН. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1968. 1024 столб. с илл. и карт.
9. 9. Советская историческая энциклопедия. Том 14. ТААНАХ - ФЕЛЕО. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1973. 524 с.
10. 10. Статут Великого княжества Литовского 1529 года. Под ред. ак. К.И.Явлонскиса. Минск: Изд-во Академии наук БССР, 1960. 254 с.
11. 11. Ювеналий (Воейков, Иван Григорьевич). Историческое родословие благородных дворян Воейковых, и проч. и проч.: С приобщением царских жалованных грамот, и проч. и проч./ Собранное игуменом Ювеналием Воейковым. Москва: Печатано иждивением оной фамилии: Унив. тип., у В.Окорокова, 1792. [2], [1-10], II, IV, 11-152, XVIII с., 2 л. ил., 4 л. табл.
12. 12. Вялікае Княства Літоўскае. Энцыклапедыя у 3 т. Мн.: БелЭн, 2005. Т. 1: Абаленскі - Кадэнцыя. С. 589. 684 с. (на бел.яз.).
13. 13. Нікколо Мак'явеллі. Флорентійські хроніки. Державець. Переклад з італійської: Анатоль Перепадя. Київ: Основи, 1998. 492 с. (на укр.яз.).
14. 14. Словник староукраїнської мови XIV-XV ст. Т.1. А-М/ Ред. кол.: Д.Г.Гринчишин, Л.Л.Гумецька (гол.), И.М. Керницький. Київ: Наукова думка, 1977. С.295. 630 с. (на укр. яз).
15. 15. SŁOWNIK STAROPOLSKI (Dworowy - Dziewica). Том II Выпуск 4 (10). Warszawa – Kraków: Polska Akademia Nauk, 1957. 84 с. (на польск. яз).

Сведения об авторе:

Майоров Анатолий Александрович, доктор исторических наук, и.о. заведующего кафедрой истории, философии и русского языка, Орловский государственный аграрный университет им. Н.В.Парахина (Россия); aamajorov@rambler.ru

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ В СОВРЕМЕННЫХ УКРАИНСКИХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ*

Аннотация: Статья посвящена краткому рассмотрению содержания современных украинских школьных учебников по истории Древней Руси. Отмечается слабое идеологическое влияние на излагаемый материал. Главным идеологическим моментом всех учебников можно считать именование Древней Руси «Русью-Украиной». В остальном же история Древней Руси в них изложена вполне адекватно и корректно.

Ключевые слова: история Древней Руси, современная украинская историография Древней Руси, школьные учебники, идеологизация истории

A.V. Fedosov. The Reflection of Ancient Rus' History in Modern Ukrainian History Textbooks (A Short Overview)

Abstract: The article is devoted to a brief review of the content of modern Ukrainian school textbooks on the history of Ancient Rus'. The weak ideological influence on the presented material is noted. The main ideological point of all textbooks can be considered the naming of Ancient Rus' as "Rus-Ukraine". Otherwise the history of Ancient Rus' in them is presented quite adequately and correctly.

Keywords: History of Ancient Rus', Modern Ukrainian Historiography of Ancient Rus', School Textbooks, Ideologization of History

В данной статье мы не рассматриваем околону научные или абсолютно ложные концепции современной украинской историографии, которые закладываются в учебники истории Украины. И, хотя они касаются, в основном, более поздних периодов надо отметить их крайнюю политизацию, что, по понятным причинам, вызывает отторжение у нас в стране. Мы не рассматриваем и те методические указания по преподаванию истории в школах Украины, которые постоянно поступают из министерства просвещения, поскольку они носят деструктивный характер и направлены на формирование нового образа своей страны и соседних стран в умах будущих поколений, но в конечном итоге направлены на разобщение людей. И надо отметить, что это умело используется и довольно успешно внедряется в сознание учеников. Мы не говорим и о том, с какими трудностями сталкиваются учителя, преподающие историю, особенно в восточных регионах. К тому же контакты с ними в данный момент невозможны по понятным причинам.

В соответствии с условиями гранта РНФ № 23-28-00281 «Украинская историография средневековой Руси в конце XX - начале XXI в.: концепции, истоки, тенденции», мы только кратко рассмотрим как в новых учебниках по истории Украины под редакцией О.В. Дудар, О.І. Гук [6], Н.М. Сорочиньска, О.О. Гісем [12], О.О. Мартинюк и О.В. Гісем¹ (автор двух учебников) [3; 4] излагается начальная история Древней Руси.

Обычно в среде как отечественных, так и иностранных историков иногда еще встречается несколько пренебрежительное отношение к школьным учебникам - это, дескать, не наука, а потому и не стоит обращать особое внимание на то, что там написано. Однако именно по учебникам учатся в том числе и будущие (поколения) историков и именно учебники закладывают у школьников ту базу и отношение к истории, которые, возможно, останутся с ними на

* НИР выполнена при поддержке гранта РНФ № 23-28-00281 «Украинская историография средневековой Руси в конце XX - начале XXI в.: концепции, истоки, тенденции».

¹ Сохранена оригинальная орфография фамилий и имен авторов.

протяжении всей жизни. И поэтому, в свете нынешней политической ситуации, интересно проследить, как подается история Древней Руси в украинских школах.

Здесь стоит оговориться, история не раз становилась жертвой политической ситуации, это можно было наблюдать не только в современной Украине, которая, начиная с распада СССР, активно начала создавать свою версию истории. Но особое рвение в этом процессе, как не прискорбно, демонстрируют не профессиональные историки, а националистически настроенные политические деятели и писатели, которые используют историю в качестве идеологического оружия. Конечно, этот процесс не мыслим без искажений и фальсификаций, иногда глупых и забавных, но надо признать, они добиваются нужного им результата.

Так, украинский писатель С.П. Плачинда в своей книге «Словник давньо-української міфології» пишет: «Ории (Арии) - древнейшее название украинцев. Первыми освоили земледелие. Приручили коня, изобрели колесо и плуг... Свои знания принесли в Китай, Индию, Месопотамию, Палестину, Египет... Племена ориев стали основой для всех индоевропейских народов» [11, с. 40].

А авторы школьного учебника по географии П.О. Масляк и С.Л. Капіруліна утверждают, что носители трипольской культуры были древними украинцами [10, с. 11].

Можно также указать и на принятый Верховной Радой в 2015 г. закон №314-VIII, закрепивший за бандеровцами официальный статус борцов за независимость Украины [7].

Однако, если рассматривать тексты по начальной истории Руси официальных учебников ситуация несколько иная, хотя в некоторых моментах и не бесспорная. Отметим, что структура всех четырех учебников практически идентична, все они состоят из пяти разделов, при этом история домонгольской Руси (включая историю расселения восточных славян на территории современной Украины) рассмотрена в первых трех разделах. Четвертый раздел посвящен истории «Галицко-Волынской державы» и о походах монголо-татар на Русь. Пятый раздел посвящен истории украинских земель в составе Великого княжества Литовского, Венгрии, Молдавии, Московии и Османской империи. Отдельно излагается история Крымского ханства. И здесь же статьи посвященные развитию государства, общества и культуры на территории современной Украины.

Только в учебнике О.В. Дудар и О.І. Гука в пятом разделе приводится лишь история Крымского ханства, а остальные параграфы посвящены культуре, сельскому хозяйству, ремеслам украинских земель.

Однако сразу бросается в глаза, что во всех учебниках история Руси подается как история Руси-Украины, что, по нашему мнению, является явной отсылкой к работе М.С. Грушевского «Історія України-Руси» [5]. Очевидно, что такое название продиктовано желанием создать собственную, отдельную от России историю, в угоду текущей политической ситуации и претензией политической элиты Украины на единоличное обладание древнерусской историей. И не важно, что такое название не согласуется с известными историческими источниками, в которых слово «Украина» никогда не употреблялось в контексте названия древнерусского государства.

Далее, Н.М. Сорочинська и О.О. Гісем в своем учебнике указывают: «На землях, которые сейчас входят в состав Беларуси, жили дреговичи и полочане, России - кривичи, радимичи, словене и вятичи (не все историки считают, что они были славянами)» [12, с. 10]. Такое утверждение прямо противоречит тексту ПВЛ, в котором все указанные племена отнесены к славянам [9, л. 2 об. - 4]. Российские историки, в основном, согласны с летописью, однако

смоленский археолог, профессор Шмидт Е.А. в своей работе «Кривичи Смоленского Поднепровья и Подвинья», изданной в 2012 г., относит кривичей к смешанному балто-славянскому населению [14], но в некоторых интервью прямо указывал на их неславянское происхождение [8]. В других рассмотренных учебниках данная фраза также присутствует, но без указания на неславянство названных племен.

Что касается самого названия «Русь», то все учебники отмечают различные версии, действительно спорного, происхождения данного слова. При этом в трех случаях [12, с. 8-9; 4, с. 23-24; 3, с. 11-12] указывается, что данное название имеет финское или скандинавское происхождение и изначально применялось к дружине древнерусских князей. А поскольку князья правили, опираясь на дружину, название, постепенно, перешло на все земли, которые им подчинялись. В четвертом учебнике приводятся различные версии происхождения указанного названия без указания на то, какая из этимологий является предпочтительной [6, с. 15].

Легенда об основании Киева братьями Кием, Щеком и Хоривом и их сестрой Лыбедью, излагается во всех учебниках, однако начало государственности в Среднем Поднепровье связывается не с ними, а с Аскольдом, который в двух случаях титулован князем и каганом [12, с. 18; 3, с. 23], а в двух других - только князем [6, с. 17; 4, с. 18-19]. Дир, летописный соправитель Аскольда, упомянут в трех учебниках [3, с. 22; 4, с. 18; 6, с. 18]. Также, все учебники отмечают, что именно Аскольд первым из древнерусских правителей принял христианство. Рюрик и призвание варягов также упоминаются, причем приводится цитата из ПВЛ, а возникновение Киевской Руси [3, с. 25] или «Руси-Украины» [4, с. 20; 12, с. 20] связывается с захватом Олегом Киева и переноса туда столицы, что не противоречит источникам.

Рассказ о последующих событиях не противоречит известным источникам и, в целом, вполне корректен. Упомянуты все важнейшие события древнерусской истории, такие как походы Олега и Игоря на Византию и заключение с ней договоров, реформы Ольги, войны Святослава, реформы Владимира и крещение Руси, составление Русской правды и т.д. Дана вполне адекватная характеристика экономике и хозяйству Древней Руси, ее общественно-политическому строю, включая причины распада на уделы, а также культуре.

С другой стороны, во всех учебниках, начиная со второй трети XII в., когда относительно единое Древнерусское государство окончательно распадается на уделы после смерти Мстислава Великого, подробно рассматривается история лишь южнорусских княжеств (Киевское, Чернигово-Северское, Переяславское, Галицко-Волинское), а история северо-западных (Новгород, Псков, Полоцк, Смоленск) и северо-восточных (Владимиро-Суздальское, Муромо-Рязанское княжества) земель не рассматривается вовсе, либо упоминается вскользь, по видимому потому, что эти территории не входят в состав современной Украины. Так, например, совершенно не упоминается крупная битва на реке Сить, в ходе которой было полностью уничтожено войско Владимиро-Суздальского княжества, и которая открыла монголам путь в глубь Руси.

Насколько такое избирательное освещение истории различных древнерусских княжеств является результатом идеологического вмешательства - сложный вопрос. Кстати, в российском учебнике истории история южных и юго-западных русских княжеств присутствует, но вынесена в материалы для самостоятельной работы и проектной деятельности [1, с. 123-127]. Почему? А вот белорусский учебник, как и украинский, сосредотачивается лишь на истории Полоцкого и Туровского княжеств, существовавших на территории современной Беларуси [2]. Таким образом, белорусский учебник как бы дистанцируется и от истории остальной Древней Руси, и от идеологических баталий России и Украины.

Некоторое влияние идеологии заметно в учебнике Н.М. Сорочиньской и О.О. Гісем, где вызывает недоумение присутствие параграфа о Крыме в составе Византийской империи.

[12, с. 75]. Непонятно, какое отношение Крым имел к Древней Руси, если не считать, что некоторая незначительная его часть (историки и археологи до сих пор спорят - какая именно) некоторое время входила в состав Тмутараканского княжества, которое существовало с 988 по 1094 гг., когда оно в последний раз упоминается в летописи [9, л. 75].

Интересно, однако, что в указанном параграфе Тмутараканское княжество упоминается вскользь, а речь идет именно о крымских владениях Византии в X - XIII вв. Отдельно представлено описание и архитектура средневекового Херсонеса. Таким образом, хотя средневековый Крым практически не был связан с Русью, он связан с современными Украиной и Россией, являясь, со времен референдума 2014 г., объектом территориальных претензий Украины.

Итак, вывод, который можно сделать из краткого обзора украинской школьной литературы, заключается в том, что некоторое идеологическое влияние, хоть и слабо, но присутствует в учебниках и главным моментом можно считать именование Древней Руси «Русью-Украиной», что является очевидной попыткой «приватизировать» общую историю трех восточнославянских народов. Нет в этих учебниках также и признания того, что Древняя Русь была общим «предком» современных России, Беларуси и Украины. Впрочем, такого признания мы не найдем ни в российском, ни в белорусском учебниках. В остальном же, за исключением некоторых отмеченных искажений, украинские учебники вполне адекватно и корректно передают историю Древней Руси. Слабый идеологический накал можно объяснить тем, что описываемые события происходили очень давно, а потому использовать их в текущем идеологическом противостоянии было бы сложно. Другая причина - это добросовестность авторов, которые, будучи учеными, не стали искажать историю в угоду чьим-то сиюминутным интересам. Если так, то остается надежда на то, что когда-нибудь Россия, Беларусь и Украина смогут выработать неидеологизированную концепцию своей общей истории. Что же касается современной академической науки, то в ней мы не видим каких-либо значимых, принципиальных идеологических трений. В 2021 году академик НАН Украины А.П. Толочко так ответил автору статьи на вопрос о соотношении отечественных и зарубежных историографий: «Разделение историографии по принадлежности к государству или «прописке» (столь популярная идея в российском научном сообществе, по-прежнему распределяющем науку на «отечественных» и «зарубежных» исследователей) имеет абсолютный смысл. Конечно, существуют «национальные» школы в той или иной дисциплине, различающиеся набором любимых идей, иконостасом авторитетов или даже просто стилистикой. Но есть дисциплины «международные», то есть те, где люди из различных традиций работают в рамках схожих или даже единых принципов, на основании одного круга идей и подходов, в рамках единых методологических принципов. Более того, часто такие дисциплины еще и институционально объединены: общими конференциями и съездами, общими журналами и сборниками, перекрестными стажировками в различных научных центрах» [13, с. 12]. Поэтому надо признать, что История - не место для войн и многие украинские историки и археологи стараются дистанцироваться как от своих идеологически настроенных коллег, так и от экзальтированных политиков, хотя, к сожалению, в нынешней ситуации сделать это им довольно сложно.

Библиографический список

1. Авксентьев Н.М., Данилов А.А., Стефанович П.С., Токарева А.Я. История России. 6 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций. В двух частях. Ч. 1. – М.: Просвещение, 2016. – 128 с.
2. Бохан Ю.Н., Темушев С.Н. История Беларуси с древнейших времен до конца XV в.: учеб. пособие для 6-го кл. учреждений общ. сред. образования с рус. яз. обучения: в 2 ч. Ч. 1. – Минск : Изд. центр БГУ, 2016. – 163 с.

3. Гісем О.В. Історія України: підруч. для 7 кл. загальноосвіт. навч. закл. – Тернопіль: Навчальна книга - Богдан, 2015. 272 с.
4. Гісем О.В., Мартинюк О.О. Історія України: підруч. для 7 класу загальноосвіт. навч. закладів. – Харків: Вид-во «Ранок», 2015. – 240 с.
5. Грушевський М. Історія України-Руси в одинадцяти томах, в дванадцяти книжках. – К.: Наукова Думка, 1991-1997.
6. Дудар О.В., Гук О.І. Історія України: підруч. для 7 класу закладів загальної середньої освіти. – К.: Видавничий дім «Освіта», 2020. – 160 с.
7. Закон №314-VIII. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/314-viii#Text>
8. Клады и открытия Евгения Шмидта // Смоленская газета. URL: <https://smolgazeta.ru/history/5470-klady-i-otkrytiya-evgeniya-shmidta.html>
9. Лаврентьевская летопись / Полное собрание русских летописей. Т. 1. Вып. 1: Повесть временных лет. Изд. второе. – Ленинград: Издательство АН СССР, 1926. – 379 с.
10. Масляк П.О., Капіруліна С.Л. Географія: підруч. для 8-го кл. загальноосвіт. навч. закладів. – Кам'янець-Подільський: Аксіома, 2016. – 304 с.
11. Плачинда С. Словник давньо-української міфології. – Киев: «Український письменник», 1993. – 63 с.
12. Сорочинська Н.М., Гісем О.О. Історія України: підручник для 7 кл. закладів загальн. серед. освіти. – Тернопіль: Навчальна книга. Богдан, 2020. – 176 с.
13. Федосов А.В., Раффенспергер К. Королевство Русь. Древняя Русь глазами западных историков. – М.: Центрполиграф, 2021. – 254 с.
14. Шмидт Е.А. Кривичи Смоленского Поднепровья и Подвинья (в свете археологических данных). – Смоленск, 2012. – 168 с.

Сведения об авторе:

Федосов Андрей Владимирович, старший преподаватель факультета дополнительного образования Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского, e-mail: fedosov-andrey@yandex.ru

ИСТОРИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

УДК 93
ББК 63.3(2)6

А.Б. Федоров,
А.Л. Бредихин

«ВМЕСТЕ С ДРУГИМИ НАШИМИ АРМИЯМИ ...» (70-я АРМИЯ В КУРСКОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ОБОРОНИТЕЛЬ- НОЙ ОПЕРАЦИИ 5-12 ИЮЛЯ 1943 Г.)

Аннотация: статья посвящена участию 70-й армии в Курской битве в июле 1943 г. Эта армия – первоначально Отдельная армия войск НКВД СССР – была сформирована из пограничников и военнослужащих внутренних войск в конце 1942 года и направлена на Центральный фронт. Вместе с 13-й и 48-й армиями этого фронта она приняла на себя главный удар Орловской группировки вермахта, наступавшей на северный фас Курской дуги. Авторы рассматривают боевые действия 70-й армии, в результате которых противник был остановлен, обескровлен и вынужден перейти к отступлению.

Ключевые слова: Курская битва, операция «Цитадель», вермахт, фронт, армия, дивизия, полоса обороны.

A.B. Fedorov, A.L. Bredikhin. "Together With Our Other Armies ..." (70th Army in the Kursk Strategic Defensive Operation July 5-12, 1943)

Abstract: The article is devoted to the participation of the 70th Army in the Battle of Kursk in July 1943. This army - originally the Separate Army of the USSR NKVD troops - was formed from border guards and internal troops at the end of 1942 and sent to the Central Front. Together with the 13th and 48th armies of this front it took the main blow of the Orel grouping of the Wehrmacht, which was attacking the northern facet of the Kursk Bulge. The authors consider the fighting of the 70th Army, as a result of which the enemy was stopped, exsanguinated and forced to retreat.

Keywords: Battle of Kursk, Operation Citadel, Wehrmacht, front, army, division, defense line

В 2023 году исполняется 80 лет со дня разгрома немецко-фашистских войск в битве под Курском. В летопись Великой Отечественной войны эта битва вошла как важнейший этап на пути к победе Советского Союза над гитлеровской Германией. Поражением противника под Курском и сокрушением его обороны на Днепре завершился коренной перелом в военном противостоянии с наглым и жестоким агрессором. После Курской битвы стратегическая инициатива окончательно перешла в руки советских войск.

Как известно, летом 1943 года военное руководство Германии попыталось взять реванш за неудачи в зимней кампании 1942-1943 гг. По его мнению, мощное наступление, должно было изменить в пользу Третьего рейха положение на фронте, поднять моральный дух вермахта и населения страны, удержать от развала фашистский блок. Немцы рассчитывали на бездеятельность союзников СССР по антигитлеровской коалиции США и Англии, продолжавших нарушать свои обязательства об открытии второго фронта в Европе.

В Германии была проведена тотальная мобилизация, ускорен выпуск военной техники, в том числе и новых образцов. К июлю гитлеровцы сосредоточили на Восточном фронте свыше 5,5 млн. человек, 54 тысячи орудий и минометов, более 5,8 тысяч танков и штурмовых орудий, почти 3 тысячи самолетов [3, С. 73].

Для наступления (операция «Цитадель») был выбран район Курска, где советские войска глубоко вклинились в расположение противника, создав выступ площадью

в 65 тысяч кв. км. Линия фронта здесь была похожа на огромную дугу протяженностью более 500 км, обращенную в сторону врага. Это был один из самых важных стратегических участков советско- германского фронта.

С операцией «Цитадель» немцы связывали далеко идущие планы. Они рассчитывали двумя встречными ударами с севера и юга в направлении на Курск, находившийся в центре основания выступа, окружить и уничтожить советские войска. Затем планировалось нанести удар в тыл Юго-Западного фронта и развернуть наступление либо снова в сторону Волги, либо создать угрозу Москве с юга. «Победа под Курском, - самоуверенно заявлял Гитлер, - должна явиться факелом для всего мира!» [5, С. 44].

Для наступления привлекалось 50 дивизий, в том числе 16 танковых и моторизованных, сосредоточенных в группах армий «Центр» и «Юг» севернее и южнее Курского выступа. Их численность превышала 900 тысяч человек. Обе группы армий имели на вооружении до 10 тысяч орудий и минометов, около 2,7 тысяч танков и штурмовых орудий, более 2 тысяч самолетов. Большие надежды гитлеровцы возлагали на новые танки «Тигр», «Пантера», штурмовые орудия «Фердинанд», самолеты «Фокке-Вульф-190- А» и «Хейнкель-129», поступившие в войска к лету 1943 года [8, С. 210].

Наибольшую проблему для советских войск представляли тяжелые (57 тонн) танки «Тигр» (Т-VI), имевшие на вооружении 88-мм пушку и два пулемета. Лобовые детали их корпусов и башен имели броню толщиной 100 мм, а борта - 80 мм. Именно «Тигры» должны были взломать оборону советских войск в районе Курска и обеспечить «панцергренадерам» Моделя и Манштейна выход на широкий оперативный простор. Совсем ненамного «Тигру» уступал по своим характеристикам и средний немецкий танк «Пантера» (Т-V). Борьба с этими «зверями» требовала от советских воинов особого умения и мужества [4, С. 269].

Советскому командованию удалось вскрыть, замысел операции «Цитадель». Ставкой ВГК было принято решение о преднамеренной обороне, чтобы сорвать наступление вермахта, а затем перейти в решительное контрнаступление. Центральный и Воронежский фронты (командующие генералы К. К. Рокоссовский и Н. Ф. Ватутин) в районе Курского выступа имели в своем составе 1,3 млн. человек, 19,1 тыс. орудий и минометов, 3444 танка и САУ, 2172 самолета. [3, С. 73].

В тылу этих фронтов был создан Степной фронт (командующий - генерал И. С. Конев) - стратегический резерв Ставки, готовый как к обороне, так и к наступлению. Мощная, глубококошелононированная оборона на всю глубину Курского выступа (восемь оборонительных полос и рубежей) была создана заранее. Ее основу составляли противотанковые опорные пункты и районы с системой миновзрывных заграждений.

Грандиозная Курская битва началась на рассвете 5 июля 1943 года мощной артиллерийской контрподготовкой советских войск. Противник вынужден был на два часа задержать наступление, чтобы привести в порядок свои силы.

В первый же день сражения немцы задействовали обе свои ударные группировки, надеясь мощными танковыми клиньями быстро прорвать оборону советских войск. Не считаясь с потерями, они наносили удар за ударом на северном (на Ольховатку, Малоархангельск, Гнилец, Поныри) и южном (на Яковлево, Прохоровку, Обоянь, Корочу) фасах Курской дуги, но повсеместно получали отпор. На орловско-курском направлении войска Центрального фронта сумели остановить врага своими силами. На белгородско-курском, где танковый натиск противника оказался более мощным, ставка ВГК выдвинула для усиления Воронежского фронта часть армий Степного фронта. Ценой огромных потерь немцам удалось вклиниться в оборону Советских войск всего на 10-35 км.

Особенностью Курской битвы явилось использование обоими сторонами мощных танковых группировок. Встречные танковые бои первоначально развернулись на обоянском направлении. Получив здесь отпор, враг перенес основные усилия на прохоровское направление, где 12 июля произошло крупнейшее танковое сражение всей Второй мировой войны. В районе Прохоровки навстречу друг другу двинулись в общей сложности 1,2 тысяч танков и самоходных орудий. Битва продолжалась до позднего вечера [4, С. 282-285]. Она характеризовалась небывалой напряженностью и разнообразием способов боевых действий. На одних направлениях велись наступательные и встречные бои, на других - оборонительные, сочетавшиеся с засадами и контратаками. Одновременно над полем боя происходили ожесточенные воздушные схватки. Только за день советская авиация западнее Прохоровки совершила около 600 самолетовылетов, уничтожив в ходе проведенных тогда воздушных боев не один десяток самолетов противника.

В сражении под Прохоровкой немецкие бронетанковые войска понесли невосполнимые потери. Так, танкисты одной лишь 5-й танковой гвардейской армии генерала П. А. Ротмистрова уничтожили около 400 танков врага (в том числе 70 «Тигров»), 900 орудий, 300 автомашин с различными грузами и более 3500 солдат и офицеров противника. Но следует отметить, что значительный урон понесли и советские танковые войска. Победа под Прохоровкой стоила 5-й гвардейской танковой армии 300 потерянных танков и самоходных орудий [5, С. 174-175].

Перелом в сражении произошел 12 июля. В течение всего лишь одной недели рухнули все военно-политические планы гитлеровцев, связанные с операцией «Цитадель». Измотав и обескровив противника, советские войска перешли в контрнаступление.

В нем приняли участие 5 фронтов: Западный, Брянский, Центральный, Воронежский и Степной. Были проведены две наступательные стратегические операции: Орловская («Кутузов») - с 12 июля по 18 августа и Белгородско-Харьковская («полководец Румянцев») - с 3 по 23 августа. 5 августа советскими войсками были освобождены Орел и Белгород. Вечером того же дня в Москве в честь освободивших их войск был дан первый артиллерийский салют. 23 августа вновь советским стал Харьков. Его освобождение ознаменовало собой победоносное завершение сражения на Курской дуге.

Курская битва явилась выдающимся событием Второй мировой войны. После поражения в ней Германия уже не смогла оправиться. Немцы потеряли около 500 тысяч солдат и офицеров, 3 тысячи орудий, 1,5 тысячи танков, 3,7 тысячи самолетов. Наступательная стратегия Третьего рейха была похоронена. Его внешнеполитическое положение резко ухудшилось, на грани распада оказался блок фашистских государств. Обострился политический кризис в Италии, в результате которого было свергнуто правительство Б. Муссолини.

Победа советских войск под Курском показала возросшую мощь СССР, его способность выиграть войну без помощи англосаксов. В связи с этим Ф. Рузвельт сказал, если дела в России пойдут и дальше так, как сейчас, то возможно, что будущей весной второй фронт и не понадобится.

Курская дуга развеяла нацистский миф о «сезонности» советской стратегии, о том, что советские войска могут наступать только зимой. Победа над Курском показала превосходство советского военного искусства над военным искусством генералов гитлеровской Германии.

В числе войсковых объединений, принимавших активное участие в битве на Курской дуге, находилась и армия, укомплектованная и воинами войск НКВД СССР. Она была сформирована в конце 1942 года по решению Государственного Комитета Обороны и первоначально получила наименование Отдельная армия войск НКВД [6, С. 244].

Ее первым командующим был назначен генерал-майор Г.Ф. Тарасов, возглавлявший до этого назначения 41-ю армию, начальником штаба – генерал-майор В.М. Шаранов, бывший начальником штаба 29-й армии, начальником политического отдела – бригадный комиссар (с 12 декабря 1942 года полковник) Я.Е. Масловский, - заместитель начальника Политуправления войск НКВД [6, С. 245].

Армия формировалась на Южном Урале в составе шести стрелковых дивизий, три из которых (102-я, 106-я и 162-я) комплектовались пограничниками Дальневосточного, Забайкальского и Среднеазиатского пограничных округов, а три (140-я Сибирская, 175-я Уральская и 181-я Сталинградская) – военнослужащими внутренних войск НКВД [2, С. 578]. 181-я стрелковая дивизия была сформирована на базе 10-й стрелковой дивизии войск НКВД, отличившейся в боях за Сталинград и за вклад в его оборону награжденной Орденом Ленина [2, С. 407]. Командир 10-й дивизии – полковник А.А. Сараев – возглавил и 181-ю дивизию [1, С. 147]. Больше половины бойцов и командиров этой дивизии уже имели боевой опыт, а также боевые награды.

В первых числах февраля 1943 года решением Ставки Верховного Главнокомандования Отдельная армия войск НКВД была передана в состав Красной Армии и переименована в 70-ю армию. В марте 1943 года она прибыла на Центральный фронт и его командующим - генералом армии К.К. Рокоссовским – направлена на самый ответственный участок района боевых действий - в стык с соседом слева, с Брянским фронтом.

Первые боестолкновения с противником не принесли 70-й армии больших успехов. Сказалось отсутствие опыта управления в боевой обстановке частями и соединениями со стороны ее штаба. В результате он был усилен опытными офицерами. Новым командующим армии стал генерал-лейтенант И.В. Галанин [9, С. 191].

В конце марта 1943 года Центральный фронт получил задачу перейти к обороне северного фаса Курской дуги. 70-я армия со своими частями усиления заняла позиции на рубеже Подольня, Брянцево общей протяженностью до 62 км. Ее соседом справа стала 13-я армия генерал-лейтенанта Н.П. Пухова, а слева – 65-я армия генерал-лейтенанта П.И. Батова. Как оказалось, на правифланговую 13-ю армию и правый фланг 70-й армии и был нацелен один из двух главных ударов противника. Его наносила 9-я армия генерал-полковника В. Моделя. Она насчитывала в своем составе 22 дивизии, сведенных в два пехотных и три танковых корпуса. Танкистам именно этих корпусов ставилась задача, наступая из района Глазуновка, Тагино в направлении Поныри, Золотухино, прорвать правый фланг Центрального фронта, выйти на оперативный простор и восточнее Курска встретиться с танкистами 4-й танковой армии.

Готовясь к отражению немецкого наступления, личный состав 13-й и 70-й армий выполнял огромный объем инженерных работ. В полосе обороны обеих армий было оборудовано 112 км проволочных заграждений, в том числе 11 км электризованных, выставлено 170 тысяч мин [9, С. 200]. В каждом стрелковом полку 1-го эшелона создавалось по 3, а в стрелковой дивизии по 9-12 противотанковых опорных пунктов [5, С. 61].

5 июля гитлеровцы атаковали всю полосу обороны 13-й армии и примыкавшие к ним фланги 70-й и 48-й армий на 45-километровом фронте. Главный удар в 5 часов 30 минут был нанесен по левому флангу 13-й армии в направлении Ольховатки силами четырех танковых и трех пехотных дивизий. Одновременно с этим, четыре усиленных танками пехотные дивизии, атаковали правый фланг 13-й армии и левый фланг 48-й армии в направлении на Малоархангельск. Наступление в полосе обороны 70-й армии противник начал позже, в 9 часов 30 минут, после того как добился незначительного успеха на ольховатском направлении.

Три поддержанных танками и авиацией немецкие дивизии обрушили на правый фланг армии, где оборонялись 132-я и 280-я стрелковые дивизии 28-го корпуса генерала А.Н.

Нечаева [5, С. 112]. Попытки противника преодолеть их оборону оставались безуспешными до тех пор, пока ему не удалось прорваться в районе Подольня на участке 15-й стрелковой дивизии 13-й армии и начать теснить ее части. Правый фланг 70-й армии оказался открытым. Оборонявшимся на нем дивизиям пришлось с боями отходить на юго-запад. Но к 19 часам, отразив все атаки противника, обе дивизии – 132-я и 280-я – закрепились на рубеже Бобрик, Гнилец, Обыденка, Измаилово. Танкоопасные направления на этом рубеже командующий армией перекрыл частями истребительно-противотанковой артиллерии [5, С. 113].

Расчеты гитлеровцев сходу прорвать оборону советских войск в полосе Центрального фронта и развернуть наступление навстречу с 4-й танковой армии не оправдались. Уже к исходу первого дня сражения героическим сопротивлением воинов 48-й, 13-й и 70-й армий враг был измотан и значительно обескровлен. Ценой огромных усилий ему удалось продвинуться на 6-8 км только на одно – ольховатском – направлении.

6 июля по вклинившейся группировке противника войска 2-й танковой, 13-й и 70-й армий нанесли контрудар. Хотя из-за ожесточенного сопротивления немцев он не достиг своей главной цели – восстановления прежнего положения на фронтах обеих общевойсковых армий, но все же не дал немцам продвинуться дальше в направлении на Ольховатку. Это предопределило провал наступления всей их Орловской группировки [9, С. 212].

В полосе обороны 13-й армии враг сумел продвинуться лишь на 1-2 км, а в полосе 70-й армии совсем прекратил активные действия, так как был скован контрударами войск 13-й армии под Ольховаткой [5, С. 119].

Не добившись успеха на Ольховатском направлении, В. Модель перенес основные усилия на правый фланг 13-й армии, намереваясь ударами на Поныри снять его и прорываться в направлении Курска. Бои на Поныри с переменным успехом продолжались весь день 7 июля, но и здесь немцы не добились успеха.

Одновременно с боями в районе Понырей упорная борьба продолжилась и на стыке позиций 13-й и 70-й армий. Здесь держали оборону 132-я, 175-я и 140-я стрелковые дивизии. Их поддерживали 12-я зенитная дивизия 70-й армии [5, С. 126]. В течение 8 июля эти соединения отразили несколько атак противника и уничтожили большую часть его танковой группировки в районе пос. Теплое [5, С. 129].

В последующие дни атаки немецких войск стали ослабевать. Последние попытки прорвать оборону советских войск они предприняли 11 июля. Не добившись успеха, 12 июля враг перешел к обороне. За шесть дней непрерывных атак ему удалось вклиниться в нашу оборону всего на 6-12 км. Войска Центрального фронта (прежде всего 13-й, 70-й и 48-й армий) выполнили поставленную перед ними задачу по обороне северного фаса Курской дуги. Упорным сопротивлением они остановили и обескровили 9-ю немецкую армию, сорвали все ее попытки прорваться навстречу пробивавшимся к ней с юга войскам Э. Манштейна.

Оценивая вклад 70-й армии в решении этой задачи, Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский писал: «На Курской дуге вместе с другими нашими армиями успешно вела боевые действия 70-я армия, сформированная из личного состава пограничных и внутренних войск. В полосе обороны этой армии с 5 по 12 июля (за 8 дней) противник потерял до 20 тысяч солдат и офицеров, было подбито и сожжено 572 вражеских танка, из них 60 «тигров», сбито 70 самолетов. Эти факты красноречиво говорят о мужестве и отваге пограничников и воинов внутренних войск» [6, С. 262-263].

После завершения Курской стратегической оборонительной операции советские войска перешли в контрнаступление. Центральный фронт наносил удар по 9-й армии вермахта силами своих правофланговых армий – все тех же 48-й, 13-й и 70-й общевойсковых и 2-й танковой армии (операция «Кутузов») [9, С. 218-219].

70-я армия наступала в направлении на Тросну, южнее г. Кромы. К 5 августа ее войска вышли в район юго-западнее этого города, а к 17 августа – к наскоро подготовленному немцами оборонительному рубежу «Хаген» в районе Брянска [12, С. 105]. Успешно армия вела боевые действия и в последующих сражениях Великой Отечественной войны. Понятно, что ее состав и численность неоднократно изменялись. Менялась и подчиненность тех дивизий, которые входили в нее первоначально. Но все они прошли славный боевой путь и удостоились высоких правительственных наград и почетных наименований [11, С. 134]. Тысячи их бойцов, командиров и политработников были награждены орденами и медалями, а более 100 из них получили звание Героя Советского Союза. [2, С. 704].

Библиографический список

1. Амбросов С.А. Генералы-кировцы на фронтах Великой Отечественной войны. – СПб.: Астерион, 2018. – 232 с.
2. Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Документы и материалы. – М.: «Юридическая литература», 1975. – 718 с.
3. Вторая мировая война. Итоги и уроки. – М.: Воениздат, 1985. – 447 с.
4. Кларк Алан. Величайшая танковая битва в истории // От «Барбароссы» до «Терминала» Взгляд с Запада. М.: Политиздат, 1988. С. 261-291.
5. Колтунов Г.А., Соловьев Б.Г. Курская битва. – М.: Воениздат, 1970. – 400 с.
6. Кривец В.Д., Холоден В.Ф., Штутман С.М., История строительства внутренних войск 1917-1945 гг. (Краткий очерк). Ч. 1. – М.: Главное управление внутренних войск МВД СССР, 1978. – 336 с.
7. Кэйдin Мартин. Курская битва – величайшее сухопутное сражение в истории // От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада на трагические страницы истории Второй мировой войны. – М.: Политиздат, 1992. С. 297-343.
8. Плотников Ю.В. Разгром основных сил вермахта на территории СССР (1941 – 1944 гг.)// СССР в борьбе против фашистской агрессии. 1939-1945. – М.: Изд-во Наука, 1976. С. 177 – 228.
9. Рокоссовский К.К. Солдатский долг. – М.: Воениздат, 1984. – 367с.
10. Советская Военная Энциклопедия (в 8 томах). Т. 4. – М.: Воениздат, 1977. – 636 с.
11. Топтыгин А.В. Неизвестный Берия - Санкт-Петербург: Нева ; М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. - 479 с.
12. Ульященко С.Н. Все для фронта: 70-я армия НКВД в военном вузе / Участие войск НКВД в Великой Отечественной войне (к 70-летию победы в Великой Отечественной войне): сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции. Том Часть 2. Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России. 2015. С. 103-106.

Сведения об авторах:

Федоров Александр Борисович, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский университет МВД России, kafedraigr@mail.ru

Бредихин Алексей Леонидович, кандидат юридических наук, Санкт-Петербургский университет МВД России, axel_b@mail.ru

УДК 94

С. Л. Ширнин-Волков

ГАНС ЕШОННЕК: КАРЬЕРА, ЕЁ ВЗЛЁТ И ПАДЕНИЕ

Аннотация: Статья посвящена биографии одного из ключевых персонажей военного командования Третьего Рейха – Ханса Ешоннека – выпускника липецкой авиашколы. Рассматриваются ключевые моменты жизненного пути второго лица люфтваффе в 1942-43 годах. Дана оценка его роли в поражениях нацистской Германии в период Коренного перелома.

Ключевые слова: Ханс Ешоннек, люфтваффе, липецкая авиашкола, история Германии, Вторая мировая война

Shirnin-Volkov S. L. Hans Jeschonnek: career, its rise and fall

Abstract: The article is devoted to the biography of one of the key characters of the military command of the Third Reich - Hans Jeschonneck - a graduate of the Lipetsk aviation school. The key moments in the life path of the second person of the Luftwaffe in 1942-43 are examined. An assessment is made of his role in the defeats of Nazi Germany during the period of the radical turning point.

Keywords: Hans Jeschonneck, Luftwaffe, Lipetsk aviation school, history of Germany, World War II

Жизнь Ганс Ешоннека (1899 -1943), длительное время возглавлявшего генеральный штаб люфтваффе в годы Второй мировой войны, является ярким примером того, как одаренный немецкий офицер был уничтожен фашистским руководством Третьего рейха, постоянно искавшим «козла отпущения» за свои провалы на Восточном фронте.

Ешоннек начал свою военную карьеру уже в период Первой мировой войны 1914 – 1918 гг. 10 августа 1914 года в возрасте 15 лет он вступил в фенрих в 50-й пехотный полк. Уже 26 сентября 1914 года он был произведен в лейтенанты. С 6 мая 1915 года стал командиром роты. За боевые отличия награжден Железным крестом 1-го и 2-го класса, а также Рыцарским крестом ордена Дома Гогенцоллернов с мечами.

В 1932 г. в качестве «юнгмеркера» прошел курс летчика-истребителя в Липецке (псевдоним «Яр» (Jahr)) [5]. Во время обучения Ешоннека в Липецке, Гюнтер Лютцов, лётчик-ас Люфтваффе, обучавшийся в Липецке вместе Ешоннеком, сделал следующую запись в своем дневнике: «Ужасные вещи происходят. Во главе немецкой авиации стоят, большей частью, старики с военным прошлым, которые не хотят верить в то, что все уже давно устарело. Обучение специалистов, которые должны уметь обращаться с новым оружием, несовершенно. Постоянно приходят новички, которым нужно время, чтобы войти в курс дела... Все надежды на Ешоннека: может быть, он наведет порядок, и нам не придется опираться только на свой опыт, полученный за эти полгода. В противном случае мы все забудем: истребительная авиация не может топтаться на месте» [3].

После возвращения в Германию Ешоннека ждал весьма быстрый карьерный рост. В 1933 г. он переведен в Люфтваффе, где стал ближайшим сотрудником Геринга. С 1 октября 1934 года — офицер для особых поручений и адъютант заместителя Геринга и генерального инспектора люфтваффе, генерала Эрхарда Мильха. Один из ближайших сотрудников Германа Геринга, руководил строительством и боевой подготовкой ВВС.

Ешоннек стал одним из помощников генерала-полковника люфтваффе, Эрнста Удета, в Техническом управлении. С 1 февраля 1938 года начальник Оперативного отдела Генерального штаба люфтваффе — важнейшего из его подразделений — в звании полковника. К февралю 1939 года вследствие роста люфтваффе и увеличения охватываемой ими территории потребовалась крупномасштабная реорганизация с тем, чтобы привести систему командования в соответствие с этим расширением. Поэтому в начале месяца были произведены радикальные изменения как в верховном командовании, так и в организации командования на местах. Впервые, функции статс-секретаря Министерства авиации и генерал-инспектора люфтваффе

были объединены должностью генерал-инспектора и остались в ведении Мильха. Альберт Кессельринг заменил Вальтера Вефера, первого начальника штаба люфтваффе, после его гибели в катастрофе в 1936 году. Однако Кессельринг был слишком волевым человеком и мог представлять угрозу для Геринга, поэтому в 1937 году его сменил Ханс-Юрген Штумпф. Теперь на смену последнему пришел Ешонек, волевой молодой офицер, командовавший ранее учебной авиаэскадрой в Грайфсвальде и хорошо изучивший возможности авиационной техники люфтваффе. Он был горячим сторонником применения скоростных средних бомбардировщиков. 14 августа 1939 года Ешоннеку присвоено звание генерал-майор. Самый молодой генерал германской армии, занявший столь ответственный пост.

27 октября 1939 года по итогам Польской кампании был награждён Рыцарским крестом Железного креста. 19 июля 1940 года произведён в чин генерала авиации, а 1 февраля 1942 года — в генерал-полковники. Был в постоянном конфликте с другим высшим руководителем люфтваффе Мильхом, причём считается, что их специально «сталкивал» Геринг, чтобы не допустить усиления кого-либо из своих подчинённых [1].

Решающие для карьеры и судьбы Ханса Ешоннека события, произошедшие в ходе Второй мировой войны на Восточном фронте.

После окружения 6-й армии под Сталинградом именно начальник Генерального штаба люфтваффе генерал Ханс Ешонек заверил фюрера, что люфтваффе были в состоянии осуществлять поставки окруженным войскам в достаточном количестве. Надо отметить, что рейхсмаршал Геринг в тот момент был не в курсе обстановки. Он председательствовал на Конференции по нефти в Каринхалле. 21 ноября Гитлер приказал 6-й армии занять круговую оборону, добавив, что ее снабжение будет «некоторое время» осуществляться по воздуху. Только после этого Герингу сообщили о принятом решении. Тот не стал глубоко раздумывать и заниматься подсчетом сложных статистических данных. Вместо этого главнокомандующий люфтваффе, как и почти все остальные участвовавшие в выработке решения, предположил, что окружение будет временным, и поддержал Ешоннека, заверив фюрера, что люфтваффе сделают все возможное для удовлетворения потребностей 6-й армии.

Таким образом, во многом ответственность за решение снабжать Паулюса по воздуху лежит на Ешоннеке, а не на Гитлере и Геринге, как это принято считать. Надо сказать, что тот очень быстро осознал, что его первоначальные расчеты оказались неверными. Однако напрямую сообщить об этом фюреру у него не хватило решимости, и Ешонек уведомил о своей ошибке только непосредственного начальника, попросив того самому сообщить о реальной ситуации Гитлеру. Однако Геринг, который думал в первую очередь об обустройстве своей красивой жизни, не захотел портить себе настроение. Вместо этого он попросту уехал в Париж, чтобы приобрести на аукционах очередные произведения искусства для своих коллекций [2].

Потерпев поражение в Сталинградской битве, Германия захотела взять реванш в Летней кампании 1943 года. Значительная роль в этом отводилась авиации, и, в первую очередь, штурмовой и бомбардировочной. После вынужденного затишья, вызванного неблагоприятными погодными условиями, в конце июня люфтваффе возобновили действия на Восточном фронте серией массированных налетов на промышленные объекты в тылу советских войск. Эти удары, нанесенные по ночам в течение второй и третьей недель июня, очевидно, призваны были подорвать советский военный потенциал непосредственно перед началом наземного наступления. За ними последовали регулярные и достаточно интенсивные бомбардировки с малых высот по советским аэродромам и железнодорожным линиям в ближнем тылу. Особенно мощным налётам, дневным и ночным, подвергся Курск. Вновь немцы следовали знакомой схеме блицкрига: точно так же подвергались ударам французские аэродромы в мае 1940

года, перед началом битвы за Францию, и британские аэродромы, порты и промышленные центры в августе 1940 года, при подготовке к вторжению в Англию. Советская авиация ответила на эти удары в июне 1943 года несколькими мощными налетами на Орел и серией ночных ударов по железнодорожным станциям в Брянске, Рославле и Гомеле, через которые прибывали немецкие подкрепления. С началом операции «Цитадель», генерал Ешоннек, начальник штаба люфтваффе, без колебаний бросил на поддержку наступления основную массу немецкой авиации на Востоке и все имевшиеся в его распоряжении резервы, считая, что при максимально интенсивной поддержке авиации операцию неминуемо ждет успех. В бой были брошены не менее 1000 самолетов первой линии, т. е. 50 % всех сил, находившихся на Восточном фронте от Мурманска до Азовского моря. Интенсивность действий немецкой авиации в первые дни наступления достигла высокого уровня — до 3000 вылетов в сутки, причем пикирующие бомбардировщики совершали за день по 5–6 вылетов.

Однако немцам противостояли равноценные силы советской авиации, подготовленные к масштабам немецкого наступления. Несмотря на все усилия, люфтваффе так и не удалось ни на одном из этапов обеспечить решающее воздушное превосходство, а, спустя неделю после начала боёв, стал очевиден переход инициативы в воздухе от люфтваффе к советской авиации.

15 июля советские войска начали контрнаступление с севера на Орел, и этот маневр вынудил люфтваффе ослабить группировку на южном фланге, перебросив часть сил в район Орла, чтобы отразить удар. Немедленно последовал второй советский удар, в нижнем течении Донца. И здесь у немецкого командования вновь возникли причины для беспокойства, поскольку сосредоточение авиации первой линии в районе Харьков — Белгород привело к ослаблению обороны на этом участке, который прикрывали в основном венгерские и румынские летчики. Поэтому люфтваффе вновь были вынуждены снять часть сил с основного направления удара в районе Белгорода и перебросить их на этот раз на юг. Таким образом, советское командование к 20 июля вынудило немцев рассредоточить авиацию по трем основным районам (Орел, Белгород, Сталино) и принять участие в трех отдельных операциях вместо запланированного концентрического удара на Курск. Как следствие, вместо сосредоточения массы в 1000 или более самолетов немцы вынуждены были с этого момента действовать тремя небольшими группировками примерно по 450 машин в каждой [6]. В таких обстоятельствах не могло идти и речи о том, чтобы вырвать у советской авиации инициативу или завоевать превосходство в воздухе. Неудачные действия немецкой авиации в условиях советского превосходства в планировании воздушных операций и тактике их осуществления немало способствовали тому, что советские войска сумели отразить удар немцев на Курской дуге и сами перешли в наступление.

После долгой череды успехов немецкая стратегия концентрации ударной авиации для непосредственной поддержки наземных сил потерпела полный крах. Неудача наступления под Курском, на поддержку которого Ешоннек бросил все силы люфтваффе, после поражения Германии в Северной Африке восстановила против начальника штаба люфтваффе даже Гитлера. Отношения Ешоннека с Герингом ухудшились еще годом ранее, и в начале 1943 года последний предлагал Гитлеру снять Ешоннека с должности начальника штаба люфтваффе и назначить его командующим воздушным флотом. Такой вариант вполне устраивал Ешоннека, обеспечивая собственную неспособность сопротивляться влиянию Гитлера. Однако Гитлер и слышать об этом не желал. Теперь в своем выступлении он заявил, что что-то неладное творится в люфтваффе либо в техническом развитии, либо в руководстве, и по зрелом размышлении он решил, что дело в последнем. Ешоннек в тщетной надежде снять с себя ответственность составил список ошибок Геринга, отметив при этом, что ошибки были допущены в результате решений Геринга, принятых вопреки рекомендациям Ешоннека. Ешоннек передал этот

документ фон Белову, адъютанту Гитлера, но документ так и не дошел до адресата. Через несколько дней состоялся бурный телефонный разговор между Ешоннеком и Гитлером, в результате которого начальник штаба люфтваффе понял, что лишился поддержки и Гитлера, и Геринга и что вся ответственность за неудачи люфтваффе будет возложена на него. Гитлер завершил разговор фразой: «Вы знаете, какой выход вам остается» [4]. Ешоннек застрелился. Официально было объявлено, что он скончался от хронической болезни, однако никто в штабе люфтваффе не обманывался на этот счет, поскольку дни Ешоннека во главе штаба были сочтены [1].

В итоге, можно сказать, что Ганс Ешоннек оказался жертвой собственного командования, «крайним» - человеком, удобным для того, чтобы возложить на него всю вину за неудачи люфтваффе. Стратегия, которую поддерживал Ешоннек, провалилась, поэтому отстранение его от должности было неминуемо. Покончив с собой, он избавил Гитлера от необходимости признать, что его выбор кандидатуры на высокую должность был неудачен. История деятельности Ешоннека на посту начальника штаба люфтваффе свидетельствует, что разгром немецких ВВС был закономерен и неизбежен.

Библиографический список:

1. Боевые операции Люфтваффе: взлёт и падение гитлеровской авиации М.: Яуза-Пресс, 2009. – 656 с.
2. 2. Дмитрий Дёгтев, Дмитрий Зубов - Воздушные извозчики вермахта. Транспортная авиация люфтваффе. 1939-1945 М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2013. - 251 с.
3. 3. Ю.Н. Тихонов – Засекреченный город. Саратов. – 2011. 240 с.
4. 4. Николаус фон Белов – «Я был адъютантом Гитлера. 1937-1945»: Русич; Смоленск; 2003. 256 с.
5. 5. Falk Wolfgang – Falkenjahre: Erinnerungen 1910-2003. – 2003. 352 с.
6. 6. Pegg Martin – transporter volume one Luftwaffe transport units 1937— 1943. – 2007. 96 с.

Сведения об авторе:

Ширнин-Волков Святослав Леонидович, студент 3 курса ИИПиОН ЛГПУ имени П.П. Семенова Тян-Шанского, e-mail: l_shirnina@mail.ru

ИСТОРИЯ ИДЕЙ И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

УДК 94(73)"1910/2023"

В. В. Прилуцкий

ЦЕРКВИ ЗМЕЕНОСЦЕВ в ЮЖНЫХ АППАЛАЧАХ в XX–XXI вв.

Аннотация: в статье рассмотрены основные события в истории церквей змеедержателей (змееносцев), возникших в Аппалачском регионе США в начале XX в. Данная религиозная группа является ответвлением пятидесятничества и «движения святости», но многие ее сторонники предпочитают считать себя представителями самостоятельной деноминации. Возникновение религиозного движения змеедержателей на Юго-Востоке США как, вероятно, самой экстремальной формы американского христианства было во многом закономерным. Оно получило распространение среди шахтеров и фермеров одного из наиболее отсталых, относительно изолированных регионов США – Южных Аппалачей. Жизнь в этих отдаленных горных районах была всегда связана с большим риском, постоянными опасностями и преодолением трудностей. Появление проповедей со змеями было отражением и одновременно попыткой выхода из вызванного стремительными изменениями социально-психологического кризиса, в котором оказались замкнутые сельские общины аппалачцев в переломную эпоху в истории страны и региона. В отечественной научной литературе тема остается малоисследованной.

Ключевые слова: история новых религиозных движений в США, американское пятидесятничество, «движение святости» в США, церкви змеедержателей (змееносцев) в США, Аппалачи, Джордж Вент Хенсли

Prilutskiy V.V. Churches of serpent handlers in the Southern Appalachians in the XX–XXI centuries

Abstract: the article discusses the main events in the history of serpent handlers (serpent preachers) that arose in the Appalachian region of the United States at the beginning of the XXth century. This religious group is an offshoot of Pentecostalism and the «Holiness movement», but many of its supporters prefer to consider themselves representatives of an independent denomination. The emergence of the religious serpent-wielding movement of snake handlers in the Southeast of the United States, as perhaps the most extreme form of American Christianity, was in many ways logical. It became widespread among miners and farmers of one of the most backward, relatively isolated regions of the United States – Southern Appalachia. Life in these remote mountainous areas has always been associated with great risk, constant dangers and overcoming difficulties. The emergence of sermons with snakes was a reflection and at the same time an attempt to get out of the socio-psychological crisis caused by rapid changes, in which the closed rural communities of Appalachians found themselves at a turning point in the history of the country and the region. In the Russian scientific literature, the topic remains little explored.

Keywords: the history of new religious movements in the USA, American Pentecostalism, the Holiness movement in the USA, churches of serpent holders (serpent bearers) in the USA, Appalachia, George Went Hensley

Движение змеедержателей или змееносцев (serpent handlers, serpent preachers, snake handlers), известных также как «змеиные церкви» и «змеепоклонники», возникло в Южных Аппалачах в период между 1908 г. и 1914 г. (наиболее часто встречающиеся датировки: 1909 г. и 1910 г.). Возникновение змеедержателей было частью религиозного подъема в США, получившего известность как «Третье великое пробуждение» 1855–1930 гг. (иногда указывают также такие хронологические рамки, как 1850–1900-е гг.). Общины, использующие в религиозных ритуалах змей, являются частью основанной на Библии пятидесятнической традиции. В наши дни они наиболее заметны в горном регионе «библейского пояса» (южных штатов) Америки. Районы аппалачского «фронта» (южная часть американского «Старого Запада») сохраняли многие черты образа жизни и патриархальные нравы вплоть до второй половины XIX в. [8]. Южные Аппалачи – горный регион на Юге США, где осталось в значительной степени традиционное общество с преимущественно аграрным

(доиндустриальным) укладом хозяйства. Выделялся консервативными ценностями местного населения, отличавшегося бедностью, отсталостью, необразованностью, религиозностью и косностью. Аппалачцы имеют преимущественно шотландско-ирландское и немецкое происхождение, говорят на местных диалектах и проживают в относительно изолированных горных поселениях. «Американизация» региона и интеграция Аппалачей, «выпавших» на 200 лет из процесса модернизации, в общеамериканское культурное, политическое и социально-экономическое пространство, растянулась более чем на полвека и завершилась только в конце 1960-х гг. [6; 14; 15; 16]

Исследователи, изучавшие историю религиозного обращения со змеями, как правило, приписывают создание этой ритуальной практики одному человеку – Джорджу Вент Хенсли (1881-1955), неграмотному шахтеру и разнорабочему. Харизматичный, талантливый проповедник сумел увлечь за собой сотни последователей в горных районах Юго-Востока США [3]. Однако представляется все же маловероятным, что практика приручения змей в Аппалачах имела происхождение только от одного человека и, по-видимому, была связана с более широким кругом лиц и радикальных протестантских групп. Змеепоклонство (офиолатрия) известно еще со времен палеолита. Поклонение змеям занимало главное место в зоолатрии (культе животных) многих народов мира было и тесно связано с фитолатрией (культом растений), поскольку хорошо известен образ змия, обвивающего Мировое Древо («Дерево познания добра и зла»). Культ змей (в которых часто видели богов, связанных с плодородием, и символы мудрости) восходит к тотемизму и анимизму и встречается на всех континентах, исключая Австралию. Змеепоклоннические культы, почитание змеиных божеств, заклинание змей и другие обряды со змеями достигли наибольшего развития в Индии и Юго-Восточной Азии, Западной Африке (вуду), доколумбовой Америке, нашли отражение в религиозных представлениях Древней Греции (кадуцей, богини со змеями крито-микенской (эгейской) цивилизации). В Библии есть рассказ о поклонении древних израильтян «медному змию» в пустыне в эпоху пророка и законодателя Моисея (предположительно XIII в. до н.э.) [4]. Впоследствии древние иудеи воздвигли кумир змея в роще и создали настоящий языческий культ, уничтоженный царем Езекией (около 716-686 гг. до н.э.) [5]. Известно также, что в эпоху раннего христианства часть гностиков поклонялась змеям (офиты и сифиане).

Основателем современного религиозного движения змеедержателей Джордж Вент Хенсли родился в сельской местности Аппалачей в Восточном Теннесси. Проживал в шахтерских поселках, работал на местных угольных шахтах, рудниках, лесопилках, изготавливал самогон (что являлось обычной практикой в горном регионе Аппалачи), часто менял места жительства, что свидетельствует о психической неустойчивости его личности. Был женат 4 раза, развелся 3 раза, являлся отцом 13 детей. Перманентное пьянство и неспособность получать стабильный доход стали главными причинами его постоянных конфликтов с родственниками. Периодически отказывался от употребления алкоголя, табака, прекращал общение с «мирскими людьми». Из-за обвинения в самогоноварении в период «сухого закона» непродолжительное время находился в заключении, из которого сбежал. До 1901 г. принадлежал к баптистам, но впоследствии обратился в пятидесятничество, став лицензированным священником старейшей пятидесятнической «Церкви Бога» («Церкви Святости») в штате Теннесси, возникшей в 1886-1902 гг. «Движение святости», появившееся в методизме в конце XIX в., основывалось на представлении о возможности мгновенного духовного перерождения человека, в результате чего он избавляется от бремени первородного греха. Верующий может достичь состояния святости и постоянно поддерживать его еще при земной жизни с помощью праведного образа жизни [13].

Около 1910 г. Хенсли начал проповедовать свое учение, основанное на дословном (буквальном) толковании Библии, доказывая необходимость проведения проповедей со змеями. Хенсли и его последователи ссылались на отрывки из текстов Нового Завета, где приводятся слова Иисуса Христа: «Кто будет веровать и крестится, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет. Уверовавших же будут сопровождать эти знамения: именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если что смертоносное выпьет, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы» [2]; «Вот, даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью, и ничто не повредит вам; однако же тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши вписаны на небесах» [1]. Современные пятидесятнические группы считают, что в данных библейских текстах сообщается о «говорении на иных языках» и иных чудесных способностях у верующих. Но они отвергают служение со змеями как законный религиозный ритуал, полагая, тем не менее, что, если верующий случайно возьмет в руки змею, то не пострадает.

Проповеди со змеями привлекли в 1910-е гг. аппалачцев – шахтеров и фермеров, известных как «хиллбилли» и «реднеки», преимущественно являвшихся пятидесятниками. Церковь Бога увеличила численность прихожан с 4 тыс. чел. в 1914 г. до 23 тыс. чел. к 1922 г. Но вскоре она отказалась от богослужений со змеями, пытаясь привлечь в свои ряды как можно больше протестантов – представителей среднего класса [11, р. 117]. Сейчас Церковь Бога является одной из крупнейших деноминаций в американском пятидесятничестве. В 1922 г. Хенсли вышел из пятидесятнической «Церкви Бога» и до 1945 г. продолжал служение в качестве пастора собственной «Свободной пятидесятнической церкви» или «Церкви Бога». Проповедовал в Теннесси, Вирджинии, Флориде, Джорджии, Индиане, Кентукки, собирая на религиозные службы до 700 чел. В этот период появились первые погибшие от укусов ядовитых змей прихожане, что привлекло внимание властей и общественности, но не остановило распространение нового учения. Хенсли не менее 2-х раз арестовывали за нарушение законов, запрещающих служение со змеями. По собственному свидетельству он якобы пережил более 400 укусов змей, но остался в живых. В 1945 г. Хенсли при поддержке сторонников учредил «Церковь Господа со знамениями» (Dolly Pond Church of God with Signs Following). «Церковь Господа со знамениями» действовала в основном в Теннесси и Кентукки. В этой церкви Хенсли служил вплоть до своей гибели от укуса змеи в штате Флорида в 1955 г. в возрасте 74 лет (некоторые исследователи полагают, что это было самоубийство) [7, р. 6–10]. Ему удалось убедить некоторых жителей сельских Аппалачей, что служение со змеями было заповедано Богом, и данная практика продолжилась после его смерти.

Современные церкви Южных Аппалачей, практикующие молитвы со змеями, остаются независимыми религиозными группами, несмотря на историческую связь с американским «движением святости» и пятидесятничеством, насчитывающим в наши дни около 0,5 млрд. последователей в разных странах мира. Пятидесятничество стало главным движением в современном протестантизме. Ранее считавшееся привлекательным только для бедных, бесправных и разобщенных людей, в современном мире пятидесятническое движение преодолело классовые и расово-этнические границы, распространившись среди образованных и обеспеченных социальных слоев населения большинства стран. В прошлом змеедержателей называли «отступническими церквями Бога», поскольку они являлись ответвлением от двух старейших, крупных пятидесятнических деноминаций, возникших в конце XIX – начале XX вв., – Церкви Бога (Кливленд, Теннесси) (оформилась в 1886-1903 гг.) и отделившейся от нее в 1923 г. Церкви Бога пророчеств (Пророческой церкви Бога). Сейчас эти организации насчитывают соответственно 1,5 млн. и 7 млн. членов. В 1910–1920-е гг. Церковь Бога проводила молитвенные собрания с ядовитыми змеями, но на современном этапе истории ее прихожане

неохотно вспоминают о подобной практике. В современной Америке многие общины змеедержателей используют название «Церковь Бога» или включают эти слова в свое наименование (например, «Церковь Бога во имя Иисуса Христа», «Церковь Бога со знамениями», «Церковь Святости Бога во имя Иисуса», «Церковь Божьего Евангелия», «Церковь Скинии Бога» и т.п.).

Ритуалы и традиции, связанные с манипуляциями с ядовитыми змеями, потенциально могли привести к неблагоприятным последствиям – травмам и даже смерти. Постепенно у многих верующих пришло осознание чрезвычайной опасности обращения со змеями, которое привело к тому, что Церковь Бога и Церковь Бога пророчеств отказались от этой практики. В наши дни они отрицают, что она когда-либо играла существенную роль в их истории. Характерной чертой и одной из основных особенностей богослужения в церквях пятидесятников и харизматов является их музыкальное сопровождение и пение. На собраниях верующих музыка является прелюдией к служению, когда члены общины только входят в церковное помещение и начинают общаться друг с другом. На музыкальных инструментах, как правило, исполняются композиции в стиле рок-н-ролл, соул, госпел, блюз, спиричуэлс, джаз и т.п. Важность музыки такова, что богослужения редко начинаются вовремя. Как правило, молитвенное собрание открывается, когда заканчивается музыкальная прелюдия или, когда она нарастает и достигает уровня, который вызывает реакцию прихожан, присоединяющихся к пению.

Небольшие по численности общины змеедержателей (как правило, нескольких десятков человек) отличаются консерватизмом: запрещено употребление алкоголя и табака, мужчины стригут коротко волосы, женщины носят длинные платья и не пользуются косметикой. В современной Америке это преимущественно семейный культ, объединяющий близких родственников и соседей. «Говорение на иных языках» верующие связывают с «помазанием Святым Духом» или «крещением Святым Духом», т.е. с трансовыми (измененными) состояниями сознания, которые являются важной составной частью их религиозных практик и верований. Вероятно, с трансом связан и околосмертный опыт из-за укусов змей – субъективные переживания человека (в том числе – мистические видения), возникающие в ходе угрожающих жизни событий, после которых человек выжил. Помазание и связанные с ним ментальные изменения – главный опыт в церквях, практикующих обряды со змеями. Но следует также иметь в виду, что помазание – это обычное явление среди пятидесятников, независимо от того, имеют ли они дело со змеями или нет [12].

Проповеди (которые змеедержатели называют «словом») носят импровизированный характер. Для их произнесения не требуется специальное теологическое образование, что является особенностью христиан-фундаменталистов. Как правило, пастор церкви спрашивает у прихожан во время богослужения: «У кого есть слово?». Человек, который «призван Богом» проповедовать, подходит к алтарю с Библией в руке и говорит. При этом проповедь основана на глубоком знании Библии короля Иакова, поскольку существует традиция запоминания и устной передачи сведений из библейских текстов [11, р. 117–131]. Богослужения проводятся по несколько часов и часто не со змеями. В кульминационный момент под громкую ритмичную музыку начинаются танцы со змеями. Нередко танцующие доводят себя до религиозного исступления, иногда вешая змей на шею или даже прикладывая их себе на лоб. Также практикуются питье ядовитых веществ, налитых в специальные сосуды, расположенные на алтаре, и испытание огнем. Пламя огня действует на протянутую над ним руку или подбородок верующего. Укус змеи свидетельствуют о святости или греховности прихожанина. При укусе верующие отказываются обращаться за медицинской помощью, полагаясь только на волю Бога [11, р. 102–116, 185–207]. Подобное поведение на современном этапе логически труднообъяснимо, но связано с фанатичным следованием устоявшейся традиции] [7, р. 3].

Приручение и дрессировка ядовитых змей связаны с большим риском. В приходах змеедержателей нередко можно встретить людей с ампутированными пальцами и руками. В то же время, известно, что эта практика не представляет опасности для наблюдателей, не являвшихся членами общины. Не было задокументировано случаев, когда змеи, которых держали в руках верующие, кусали бы посторонних людей. Известны случаи злоупотреблений, связанных с приручением змей. Так, в 1991 г. один из проповедников в штате Алабама на почве ревности пытался убить свою жену с помощью гремучих змей. Находясь в своем доме, он заставил ее, угрожая пистолетом, засунуть руку в коробку со змеями. Женщина была укушена дважды. В 1992 г. проповедник был признан виновным в покушении на убийство и приговорен к 99 годам лишения свободы [9]. Считается, что за столетие (с 1922 г.) погибли от укусов змей и употребления ядов во время богослужений не менее 100 прихожан и пасторов «змеиных церквей», составивших своеобразный «аппалачский мартиролог».

Неслучайно с самого начала своей деятельности змееносцы оказались под пристальным вниманием правоохранительных как органов штата, так и местных муниципалитетов. Региональные органы власти и законодательные собрания штатов стремились запретить центральный ритуал змеедержателей. Верховные суды отдельных штатов расследовали дела и выносили решения именно в отношении случаев смерти от укусов ядовитых змей последователей Хенсли. В период с 1940 г. по 1950 г. 6 южных штатов (Кентукки в 1940 г., Джорджия в 1941 г., Теннесси в 1947 г., Вирджиния в 1947 г., Северная Каролина в 1949 г., Алабама в 1950 г.) запретили молитвы со змеями. Каждый штат основывал свое законодательство на представлении, что право на свободное исповедание религии, гарантированное Первой поправкой к Конституции США, противоречит ситуации потенциальной опасности для тех, кто не участвовал в обряде. Запрещалось использование без разрешения ядовитых змей и других рептилий, представлявших опасность для жизни других людей. В Алабаме и Джорджии служба со змеями считалась уголовным преступлением (за которое предусматривалось серьезное наказание вплоть до смертной казни), но в других 4-х штатах признавалась только проступком, и наказывалось штрафом (как правило, от 50 до 100 долл.). Апелляционные суды Кентукки и Алабамы поддерживали подобные законы штатов соответственно в 1942 г. и 1956 г. [17]. Из штатов Аппалачского региона только Западная Вирджиния разрешила подобные ритуалы, поскольку конституция штата не разрешала в законодательном порядке препятствовать или поощрять какую-либо религиозную практику. Впоследствии штаты Джорджия (в 1968 г.) и Алабама отменили свои законы против «змеиных церквей». В XXI в. власти продолжили борьбу с практиками змеедержателей. В 2008 г. подверглись аресту 10 членов религиозной общины в Кентукки, у которых были конфискованы 125 змей, в том числе из дома пастора изъяты 74 змеи. В 2013 г. один из прихожан в штате Теннесси был привлечен к ответственности за незаконное владение и перевозку в собственном автомобиле 5 ядовитых змей.

В настоящее время в США существуют около 100 небольших общин змееносцев численностью несколько тысяч человек. Находятся они в основном в центральной части горного региона Южные Аппалачи – в штатах Теннесси, Кентукки и Западная Вирджиния. Также общины есть в Вирджинии, Флориде, Джорджии, Алабаме, Северной Каролине, Южной Каролине, Индиане. Часть из них причисляют себя к пятидесятникам, полагая себя их ветвью, остальные – определяют себя как самостоятельную деноминацию [10]. Перечислим получившие наибольшую известность в современных американских СМИ религиозные общины змеедержателей:

- 1) Церковь Господа Иисуса Христа в Кингстоне (Church of the Lord Jesus Christ in Kingston) (штат Джорджия);
- 2) Часовня Уэйдс в г. Картерсвилл (Wades Chapel, Cartersville) (штат Джорджия);

- 3) Отдельная Церковь Святости «Old Rock House» (Old Rock House Holiness Church in Section) (штат Алабама);
- 4) Церковь Иисуса со знамениями возле Скоттсборо (Church of Jesus With Signs Following near Scottsboro) (штат Алабама);
- 5) Церковь Бога святости на шоссе в Форт-Уэйне (Highway Holiness Church of God in Fort Wayne) (штат Индиана);
- 6) Церковь святости Восточного Лондона (East London Holiness Church, London) (г. Лондон, штат Кентукки);
- 7) Скиния Полного Евангелия во Имя Иисуса в Миддлсборо (Full Gospel Tabernacle in Jesus Name, Middlesboro) (штат Кентукки);
- 8) Пятидесятническая церковь Мосси Симпсона в Дженсоне (Mossie Simpson Pentecostal Church, Jenson) (штат Кентукки);
- 9) Пятидесятническая церковь Сэйлора в Крокетте (Crockett Saylor Pentecostal Church, Crockett) (штат Кентукки);
- 10) Церковь в г. Маршалл (штат Северная Каролина);
- 11) Церковь Святости Бога во Имя Иисуса в Гринвилле (Holiness Church of God in Jesus Name, Greenville) (штат Южная Каролина);
- 12) Церковь в г. Джонсвилл (штат Вирджиния);
- 13) Церковь Скинии Бога в Лафоллетте (Tabernacle Church of God, LaFollette) (штат Теннесси);
- 14) Апостольская церковь Бога Господа Иисуса в Гринвилле (Apostolic Church of God of the Lord Jesus, Greeneville) (штат Теннесси);
- 15) Церковь Бога в Кобб-Крик в Томасвилле (Cobb Creek Church of God, Thomasville) (штат Теннесси);
- 16) Церковь Бога во Имя Иисуса Эдвины в Дель Рио (Edwina Church of God in Jesus Name, Del Rio) (штат Теннесси);
- 17) Церковь Святости Бога во Имя Иисуса в Карсон-Спрингс (Holiness Church of God in Jesus Name, Carson Springs) (штат Теннесси);
- 18) Дом молитвы во Имя Иисуса в Морристауне (House of Prayer in Jesus Name, Morristown) (штат Теннесси);
- 19) Церковь Господа Иисуса в Джоло (Church of the Lord Jesus, Jolo) (штат Западная Вирджиния);
- 20) Дом Господа Иисуса в Матоака (House of the Lord Jesus, Matoaka) (штат Западная Вирджиния);
- 21) Дом Господа Иисуса в Сквайр (House of the Lord Jesus, Squire) (штат Западная Вирджиния);
- 22) Церковь Святости Бога на шоссе (хайвее) в Форт-Уэйне, известная также как «Хайвей» (Highway Holiness Church of God, Hi-Way, Fort Wayne, Greenville) (штат Индиана).

Таким образом, змеедержатели – один из наиболее ярких и известных феноменов Аппалачей, получивших наибольшую популярность и распространение в горном районе в 1930–1940-е гг. За более чем 110-летний период своего существования данное религиозное движение прошло периоды подъема и упадка на американском Юго-Востоке. В итоге сохранилось и даже успешно распространило свое влияние на некоторые новые районы Юга, Среднего Запада США и даже западной части Канады. Численность змеедержателей уменьшилась за последние десятилетия, но все же они остаются заметным явлением в современной религиозной жизни Южных Аппалачей.

Библиографический список

1. Луки 10:19–20.
2. Марка 16:16–18.
3. Матаков К. Пятидесятники и секта змееносцев [Электронный ресурс]. – Mode of access: <https://proza.ru/2018/09/17/1639?ysclid=lidnkorjno265197157>. – Date of access: 15.09.2023.
4. Числа 21:4–9.
5. 4 Царств 18:4.
6. Appalachia and America / Edited by A. Batteau. Lexington (Ky.): The University Press of Kentucky, 1983. 286 p.
7. Burton T.G. Serpent-handling Believers. Knoxville (Tenn.): University of Tennessee Press, 1993. 208 p.
8. Caruso J.A. The Appalachian frontier; America's first surge westward. Indianapolis, N.Y.: Bobbs-Merrill, 1959. 408 p.
9. Covington D. Alabama Trial Involves Snakes and Bit of Faith // The New York Times. 1992. February 15. P. 6 [Электронный ресурс]. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/1992/02/15/us/alabama-trial-involves-snakes-and-bit-of-faith.html>.
10. – Date of access: 20.09.2023.
11. Hood R.W., Jr., Williamson W.P. Differential Maintenance and Growth of Religious Organizations Based upon High-Cost Behaviors: Serpent Handling within the Church of God // Review of Religious Research. 2004. December. Vol. 46. № 2. P. 150–168.
12. Hood R.W., Jr., Williamson W.P. Them That Believe: The Power and Meaning of the Christian Serpent-handling Tradition. Berkeley, Los Angeles, L.: University of California Press, 2008. 303 p.
13. La Barre W. They shall take up serpents: The psychology of the Southern Snake Handling Cult. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1962. 208 p.
14. Leonard B.J. The Bible and Serpent-handling // Perspectives on American Religion and Culture / Edited by P.W. Williams. Malden (Mass.): Blackwell, 1999. P. 228–240.
15. McCauley D.V. Appalachian Mountain Religion: A History. Urbana – Chicago: University of Illinois Press, 1995. 551 p.
16. Rehder J.B. Appalachian Folkways. Baltimore (Md.): The Johns Hopkins University Press, 2004. 353 p.
17. Salstrom P. Appalachia's Path to Dependency: Rethinking a Region's Economic History, 1730-1940. Lexington (Ky.): University Press of Kentucky, 1994. 240 p.
18. Tron G. So What's The Story With Religious Snake Handling, As Depicted In «Alabama Snake»? [Электронный ресурс]. – Mode of access: <https://www.oxygen.com/true-crime-buzz/how-did-snake-handling-which-glenn-summerford-practiced-start>. – Date of access: 10.09.2023.

Приложение. Иллюстрации к статье

Фото 1. Змеепоклонники в Аппалачах. 1947 г. // Источник: https://vk.com/photo-80945228_414432146

Фото 2. Источник: https://vk.com/photo-80945228_414432141

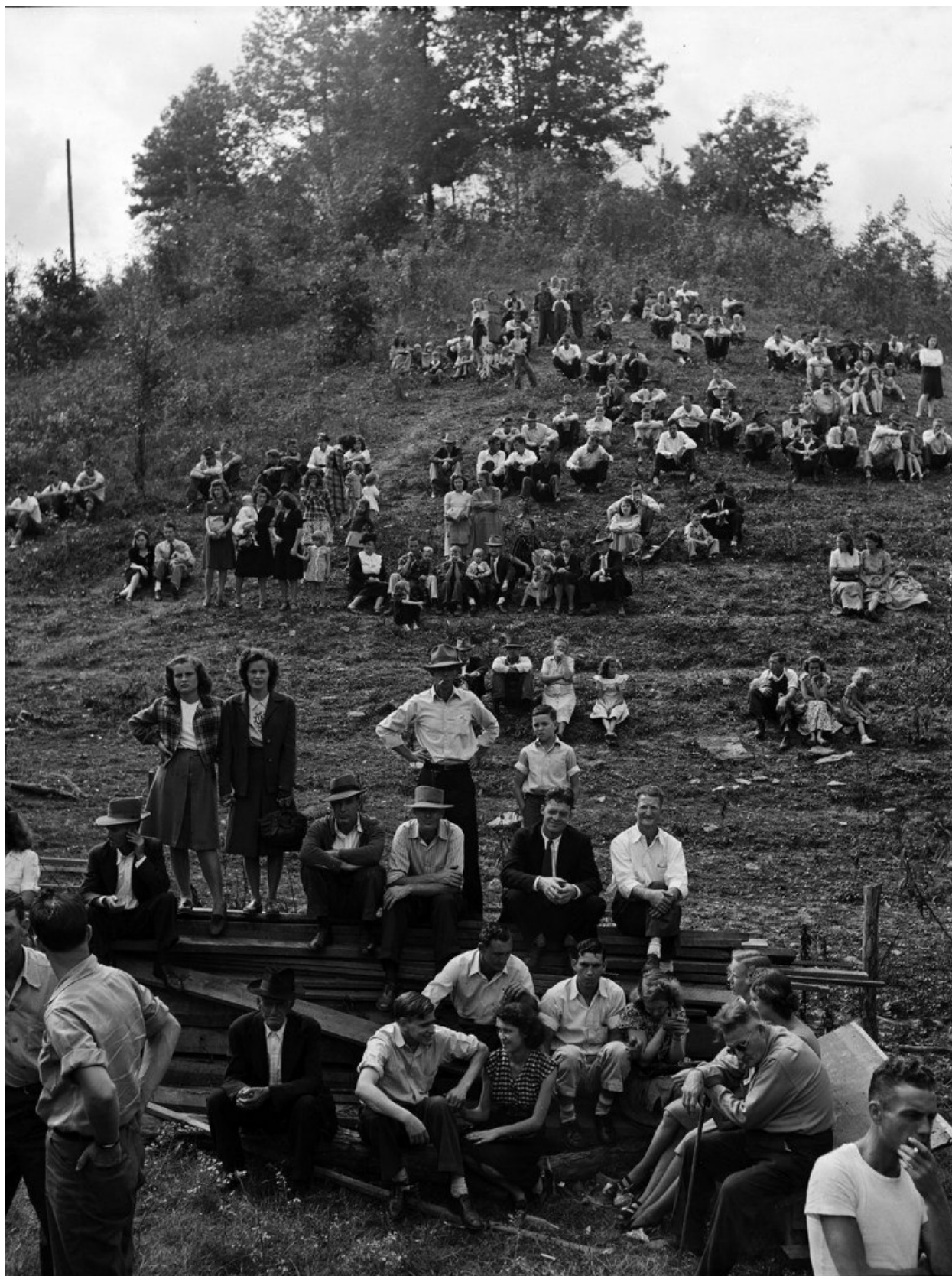

Фото 3. Источник: https://vk.com/photo-80945228_414432154

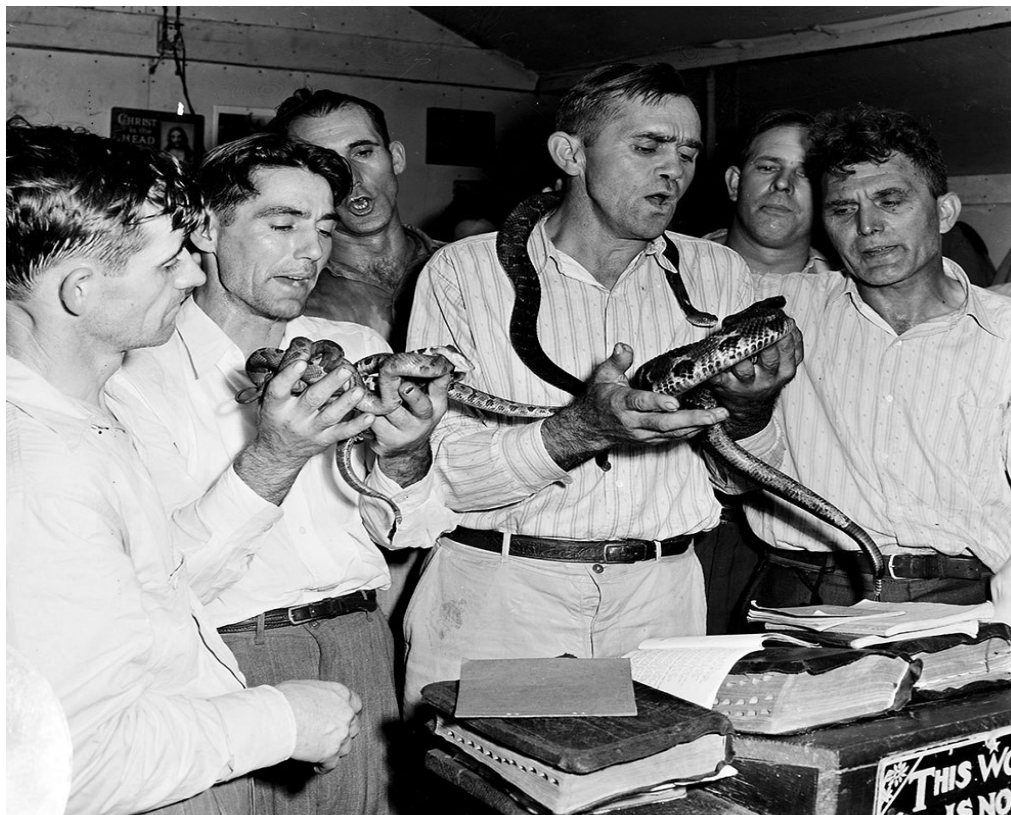

Фото 4. Источник: https://vk.com/photo-80945228_414432428

Фото 5. Источник: https://vk.com/photo-80945228_414432164

Фото 6. Источник: https://vk.com/photo-80945228_414432427

Фото 7. Источник: https://vk.com/photo-80945228_414432430

Фото 8. Источник: https://vk.com/photo-80945228_414432163

Сведения об авторе:

Прилуцкий Виталий Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, e-mail: bgu.fiimo.kafedra29@yandex.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 631.171:574

А.И. Мясоедов, С.П. Иванова

МОДЕЛЬ ИЗМЕНЕНИЯ СТАТУСА МЕЖЭТНИЧЕСКИХ БЕСПОРЯДКОВ

Аннотация: Модель беспорядков из-за изменения статуса открывает новое направление объяснения беспорядков. Она учитывает взаимоотношения этнических групп и факторы статуса и чести, то есть достоинства. Модель утверждает, что потенциал для возникновения беспорядков возникает, когда новые и старые представления о статусах групп и, следовательно, идеи о соответствующем поведении между группами приводят к спорным межгрупповым взаимодействиям. Модель подтверждает, что триггерное событие само по себе или в сочетании с другими событиями побуждает актеров достичь порога достоинства, который побуждает их к беспорядкам. Модель также указывает, что после начала беспорядков они будут следовать общему паттерну беспорядков, который заканчивается либо разрешением статуса, либо увеличением напряжения в отношениях между этническими группами. Исследование этой модели может быть особенно полезным для понимания причин и последствий беспорядков, а также для предотвращения и разрешения конфликтов. Но для полного понимания ситуации и разработки соответствующих стратегий необходимо учитывать и другие факторы, такие как экономические и политические условия, культурные различия и социальные нормы. Анализируя эту модель, можно выделить несколько ключевых моментов. Во-первых, взаимоотношения между этническими группами и их статусами играют важную роль в возникновении беспорядков. Различия в статусах могут вызывать недовольство, зависть и желание изменить существующее положение дел. Во-вторых, понятие достоинства является существенным фактором. Когда члены группы считают, что их достоинство и честь подвергаются угрозе или оскорблению, это может привести к вспышкам беспорядков. Однако следует отметить, что модель не рассматривает все возможные причины беспорядков и их динамику. Беспорядки могут быть результатом сложного взаимодействия множества факторов, и каждый случай требует отдельного изучения. Тем не менее, модель статусных изменений и достоинства предлагает ценный фреймворк для анализа беспорядков и может помочь в создании более эффективных стратегий управления конфликтами и поддержания мира и стабильности в обществе.

Ключевые слова: межэтнический беспорядок; статус; честь; социальная структура; межгрупповые отношения

Myasoedov A. I., Ivanova S. P. The model of changing the status of interethnic unrest

Abstract: The model of unrest due to a change in status opens up a new direction of explaining unrest. It takes into account the relationship of ethnic groups and factors of status and honor, that is, dignity. The model states that the potential for unrest arises when new and old ideas about group statuses and, consequently, ideas about appropriate behavior between groups lead to controversial intergroup interactions. The model confirms that a trigger event by itself or in combination with other events encourages actors to reach a threshold of dignity that encourages them to riot. The model also indicates that after the beginning of the riots, they will follow a general pattern of riots, which ends either with the resolution of the status or an increase in tension in relations between ethnic groups. The study of this model can be especially useful for understanding the causes and consequences of riots, as well as for conflict prevention and resolution. But in order to fully understand the situation and develop appropriate strategies, other factors must also be taken into account, such as economic and political conditions, cultural differences and social norms. Analyzing this model, several key points can be identified. Firstly, the relationship between ethnic groups and their statuses plays an important role in the emergence of unrest. Differences in statuses can cause discontent, envy and a desire to change the status quo. Secondly, the concept of dignity is an essential factor. When members of a group believe that their dignity and honor are being threatened or insulted, this can lead to outbreaks of unrest. However, it should be noted that the model does not consider all possible causes of unrest and their dynamics. Disorders can be the result of a complex interaction of many factors, and each case requires a separate study. Nevertheless, the status change and dignity model offers a valuable framework for analyzing unrest and can help create more effective conflict management strategies and maintain peace and stability in society.

Keywords: interethnic disorder; status; honor; social structure; intergroup relations

Глобальный анализ отношений между этническими группами показывает, что насилие в форме межэтнических беспорядков периодически возникает и иногда охватывает страны со всего мира [1–3]. Несмотря на глобальную распространенность этих событий, не было найдено причинно-следственного фактора, который был бы более чем умеренно значимым, и не был установлен общий процесс, отражающий наблюдаемое поведение во время беспорядков [1,4]. Недостаточность эмпирической основы теории беспорядков может заключаться в ограниченном нарративе, который используется для объяснения этнических беспорядков. Социолог Стив Райхер [5] отмечает, что:

На протяжении истории одной из первых жертв беспорядков всегда было научное понимание. От Французской революции до наших дней, попытки властей ограничить способ объяснения событий делают практически невозможным эмпирически обоснованное понимание.

Указанное объяснение беспорядков, по всей видимости, приводит к тому, что исследования этнических беспорядков сосредотачиваются либо на социо-экономических условиях и/или обстоятельствах одной группы актеров [6,7], либо на социально-психологических факторах беспорядков. Остроумно, хотя социально-психологические теории и описывают, и придают значение процессам межэтнических беспорядков, они не способны определить их причинные факторы [8]. То же самое верно и для социо-экономических теорий беспорядков. После десятилетий исследований беспорядков не был найден социо-экономический фактор, который был бы значимым для объяснения их причин [9,10]. Тем не менее, межэтнические беспорядки продолжают объясняться в социо-экономических терминах. Социолог Франк Пупо [11] подчеркивает этот момент в своем отчете о французских беспорядках 2005 года:

Связь, которую большинство наблюдателей представляли как несомненный факт между "городской бедностью" и "беспорядками", далеко неочевидна, прежде всего потому, что, несмотря на то, что эти события были самыми пространственно обширными и временно продолжительными случаями "беспорядков" за десятилетия, они не происходили в каждом проблемном и обедненном районе... в других районах уровень безработицы был такой же, но они не "горели".

Хоровиц [1] подчеркивает: "на каждые [этнические] беспорядки в условиях трудностей" приходится "другие беспорядки в условиях изобилия". Это и другие результаты, описанные в литературе о беспорядках, указывают на то, что "можно сделать только один вывод [о теориях беспорядков]: существующие теоретические постановки действия толпы не выдерживают тщательного анализа более систематическим эмпирическим исследованием" [4].

В данной статье представлена модель изменения статуса межэтнических беспорядков, которая переносит объяснение беспорядков из ограниченного экономического порядка¹ на более широкий социальный порядок. Для этого актеры определяются как члены статусных групп, а не как члены социальных классов³. Это определение соответствует выводам литературы о беспорядках, в которой отмечается, что беспорядки участвуют представители этнических групп, включающих в себя индивидуумов из всех социо-экономических классов [2,13]. Определение модели беспорядков по статусным группам также позволяет исследовать понятие социальных идентичностей (например, этнической, гендерной). Понятие, центральное для социальной теории идентичности [8], предполагающей, что индивиды определяют себя и действуют не только на основе своей отдельной личной идентичности, но и на основе своей групповой идентичности (например, этнической, гендерной). Социологи Клиффорд Стотт, Джон Друри и Стив Райхер [8] также утверждают, что понятие социальных идентичностей является фактором, позволяющим индивидам действовать коллективно; оно предполагает осознание того, что каждый член группы занимает коллективную социальную позицию как индивид внутри группы и как член группы относительно других социальных групп. Подобное

осознание предполагается возникает в ситуациях, когда индивиды группы испытывают аналогичные условия, такие как дискриминационные практики государственных властей - например, полиции [8].

Модель беспорядков, связанных с изменением статуса, основана на предположении социальной теории идентичности о том, что социальные идентичности (например, этническая, гендерная) значительно объясняют коллективные действия (например, этнические беспорядки). Модель беспорядков также предполагает то же самое, что и социальная теория идентичности: фактор социальных идентичностей значим для связывания индивидуального поведения актеров с структурными межгрупповыми взаимосвязями [8]. Взаимосвязи, которые, как показывают исследования этнических беспорядков, являются основными для таких беспорядков. Как объясняет Хоровиц [1], "[этнические беспорядки] проистекают из явлений и условий с четко структурированными отношениями между расовыми и этническими группами". Групповые отношения, выраженные в терминах динамики между инициаторами беспорядков и целями. Действия группы, которые проявляются, когда члены группы-инициаторы убеждены в том, что их группа пребывает в позиции структурного неравенства или субординации в отношении других групп.

Модель изменения статуса беспорядков может быть использована для объяснения различных случаев этнических беспорядков, включая межэтнические конфликты и насилие. Однако в каждом конкретном случае могут существовать уникальные факторы и контексты, которые также влияют на развитие беспорядков. Таким образом, для полного понимания каждого случая требуется детальное исследование и анализ.

Классификация актеров по статусным группам дает модели беспорядков возможность учитывать не только социо-экономические различия между группами провокаторов и целевых групп, но и различия в уровне власти и престижа между ними (факторы, оставленные непонятыми и смешанными в рамках социо-экономических переменных). Власть — это способность "реализовать свою волю в общественном действии", даже когда возникает сопротивление [12]. Престиж — это степень социальной чести, которой обладает группа [12]. Социальная честь определяется уровнем достоинства или чувством собственной ценности актера [15]. Это включает "собственную ценность в собственных глазах и также в глазах других" [16]. Таким образом, честь выражается как ценность, оценка собственной ценности индивидом и оценка собственной ценности обществом [17,18]. Кроме того, социальный ученый Джулиан Питт-Риверс [17] утверждает, что честь также является групповым фактором. Она является "неотъемлемой частью социальной идентичности группы" [17]. Групповая честь определяется как ценность или оценка ценности, которую члены группы придают группе, а также которую общество придает группе. Питт-Риверс [17] объясняет: "право на гордость [то есть честь] — это право на статус, и статус устанавливается через признание определенной социальной идентичности".

В заключение, классификация актеров как членов статусной группы позволяет модели беспорядков учитывать пересечение этнической и гендерной идентичности актеров. Гендерная идентичность, по мнению социальных психологов Сараи Блинко и Моники Харрис [19], тесно связана с принадлежностью актера к гендерной группе, которая определяется осознанием "общественно распространенных стереотипов о мужчинах и женщинах", которые отражаются в культурных гендерных ролях. Гендерные идентичности тесно связаны с "включением и заботой о статусе" актеров [19], как и этнические идентичности. Таким образом, модель беспорядков, определяя актеров как членов статусной группы, рассматривает пересечение этничности, гендера и чести. Поскольку, как утверждает Питер Спиренбург [20], "социальная стратификация является ключевым фактором, влияющим на представления о чести и

определения мужественности". Он продолжает [20]: "честь и позор имеют явно выраженный гендерный характер. Почти в каждом обществе мужская честь считается совершенно отличной от женской чести". Определение мужской чести, используемое в данной статье, происходит от социальных ученых, изучающих концепцию чести: Дональда А. Сосье, Аманды Дж. Стэнфорд, Стюарта С. Миллера, Аманды Л. Мартенс, Алиссы К. Миллер, Таккера Л. Джонса, Джессики Л. МакМанус и Мейсона Д. Бернса [21]: "вера в то, что мужская агрессия иногда является приемлемой, оправданной и даже необходимой в ответ на провокацию, особенно когда эта провокация оскорбляет или угрожает мужественности мужчины". Определение мужественности включает в себя концепции мужественности, связанные с храбростью (например, мужчина не должен бояться сражаться), гордостью за мужественность (например, если мужчина не защищает себя, он не очень сильный мужчина), социализацией (например, вам учили, что мальчики всегда должны защищаться), добродетелью (например, физическое насилие - самый почетный способ защитить себя) и провокацией (например, если мужчину оскорбляют, его мужественность оскорбляется) [21].

Уникальные особенности мужской чести по сравнению с женской честью возникают из иерархической гендерной системы. Социальные ученые Джим Сиданиус и Розмари Вениегас [22] объясняют, что форма иерархической гендерной системы "поддерживается через социализацию женщин и мужчин в отдельные роли". Роли, воплощающие культурно общие ожидания, связанные с социальным восприятием мужественности и женственности [22]. Этот процесс гендеризует честь, поскольку мужская честь воплощает концепции мужественности, а женская честь иллюстрирует концепции женственности. Мужественные качества мужской чести, как указано выше, поощряют агрессивное поведение и подстегивают мужчин к защите своей мужественности [21]. Модель беспорядков со сменой статуса утверждает, что мужская честь со своими характеристиками мужественности и достоинства может иметь значение для объяснения часто не принимаемого во внимание общего факта о участии мужчин в беспорядках в значительно большей степени, чем женщин [1,2,13].

Основы модели беспорядка при изменении статуса опираются на теорию структуризации социолога Энтони Гидденса и дизайн социальной драмы в четырех этапах антрополога Виктора Тернера. Теория структуризации Гидденса предоставляет модели беспорядка возможность объяснить межэтнические беспорядки в терминах макро-микроотношений, которые существуют между социальными структурами и осознанными действиями или агентством отдельных индивидов [23]. Дизайн социальной драмы Тернера предоставляет модели беспорядка причинное условие - изменение статуса и общий профессиональный шаблон беспорядка.

Модель беспорядка предполагает, что социально созданные и поддерживаемые иерархические групповые структуры состоят из этнических групп со статусом, членами которых являются бунтовщики. Гидденс [24] утверждает, что социальные структуры можно рассматривать как "правила и ресурсы", потому что "власть является неотъемлемым элементом всей социальной жизни", также как и социальные значения и нормы. Таким образом, структуры могут быть исследованы с точки зрения ресурсов (например, социальных моделей, практик, верований), которые "используются" для создания и поддержания неравноправных "отношений власти" [24]. Гидденс [24] разъясняет:

"Вся социальная взаимодействие предполагает использование власти как необходимого следствия логической связи между человеческим действием и трансформационной способностью. Власть в социальных системах может быть проанализирована как отношения автономии и зависимости между действующими лицами, в которых эти лица прибегают и воспроизводят структурные свойства господства".

Социологи Антони Гидденс и Кристофер Пирсон [25] подчеркивают, что сила, значение и нормы, которые придают форму социальным структурам, также придают форму обществу. Они восклицают: "общество имеет форму, и эта форма оказывает влияние на людей только в той степени, в которой структура создается и воспроизводится в том, что делают люди" [25]. Социологи Джим Сиданиус и Фелиция Пратто [14] (стр. 44) также отмечают в своей работе о социальном господстве, что "социальная иерархия поддерживается не столько подавляющим поведением господ, сколько уступчивым и подобоострастным поведением подчиненных".

Модель беспорядка, основанная на вышеупомянутых предпосылках о социальных структурах, предполагает, что иерархические групповые структуры имеют встроенную или внутреннюю характеристику неравенства, которую символизирует ранжированная конфигурация [14]. Фреймворк, который говорит членам этнической группы, что они не равнозначно ценятся в обществе. Положение каждой группы в иерархической структуре предполагает, что это сообщает ее членам сравнительную социальную ценность - то есть их социальный статус. Статус — это количество богатства, власти и престижа, которыми обладает или контролирует индивид или группа, выраженное в терминах статусной чести [12]. Статусная честь включает в себя концепции уважения, почета, статуса, достоинства и тому подобного. Более того, источником статусной чести признается акт захвата, действие, включающее присвоение, захват, изъятие и/или командование богатством, властью и/или престижем у другого лица или группы [12]. Честь следовательно "подразумевает не только привычное предпочтение определенного образа поведения, но и право на определенное отношение взамен" [17].

Модель беспорядка также предполагает, что групповые неравенства, выражаемые иерархической структурой, которая характеризует групповые структуры, порождают ожидания этнических групповых членов относительно межгрупповых взаимодействий [7]. Модель беспорядка предполагает, что члены групп, находящиеся в более высоком положении, ожидают от членов группы с более низким положением большего уровня уважения, почета, уступчивости, вежливости и т. д., чем от членов своей собственной группы. Аналогично, по модели предполагается, что члены групп, находящиеся ближе к нижней части структуры, обязаны социально уступать членам группы с более высоким положением в здании большей степени уступчивости, чем у членов их собственной группы.

Поскольку межгрупповые взаимодействия включают в себя дарение и присвоение социальной чести, модель беспорядка предполагает, что они представляют собой ситуации статуса. Ситуация статуса — это "каждый типичный компонент жизни, который определяется конкретной положительной или отрицательной социальной оценкой чести" [12]. Блинко и Харрис [19] объясняют, что связь между взаимодействием и статусом проистекает из социального образа, который мы воспринимаем, что другие имеют о нас. Наши оценки чести развиваются, когда мы интерпретируем и придаем значение действиям, направленным на нас. Значения, которые мы придаем этим действиям, определяются нашей культурой и нашими культурными и гендерными представлениями о чести (например, уважении, неуважении). Каждое взаимодействие включает в себя процесс оценки нашей социальной чести. Этот процесс включает интерпретацию и придание значения своим действиям и действиям тех, с кем мы взаимодействуем. Питт-Риверс [17] также отмечает, что "понятие чести представляет собой нечто большее, чем средство выражения одобрения или неодобрения. Оно обладает общей структурой, которая видна в институтах и обычных оценках".

Модель беспорядков предполагает, что межгрупповые взаимодействия актеров являются окном в то, как актеры воспринимают легитимность социальных структур и норм, которые они предписывают. Если актеры придерживаются социальных принципов структуры, модель предполагает, что формирование группы рассматривается актерами как легитимное [14, 25].

Соответственно, если члены этнической группы проявляют поведение (например, волнения), которое не соответствует традиционным нормам,⁸ модель беспорядков утверждает, что социальная структура считается нелегитимной, по крайней мере, в глазах несоответствующих членов группы. Гидденс [24] подчеркивает, что легитимность социальной структуры имеет значение в том, что влияние и власть структуры "действуют совместно" с ее "легитимацией"; если актеры считают, что структура оправдана, они будут придерживаться поведенческих моделей, которые продлевают и укрепляют ее. Точно так же, если актеры считают структуру нелегитимной, они будут сопротивляться или прекращать нормативные паттерны, поддерживающие ее.

Гидденс [24] указывает на "неотъемлемую связь между производством и репродукцией", которая создает и поддерживает социальные структуры, но внутри нее также существуют "зародыши перемен". Характеристики, позволяющие "те, кто находится в подчиненном положении", "влиять на деятельность" тех, кто занимает авторитетное положение [23]. Таким образом, неравенство не является единственной характеристикой иерархических структур. Изменение также является неотъемлемой составляющей социальных формаций с различными уровнями. Об этом свидетельствует результат исследования Стотта, Друри и Рейхера [8], который указывает, что беспорядки в целом "отражают" групповые отношения и "преобразуют" их. Влиятельные действия, приводящие к изменениям, согласно Гидденсу и Пирсону [25], происходят в решающие моменты. То есть, во время обстоятельств, которые побуждают актеров "реагировать творчески и интерпретировать" ситуацию [25]. Гидденс [27] далее говорит: "конечно, есть роковые моменты в истории коллективов, так же как в жизни отдельных людей".

Ненормативные действия, приводящие к изменениям, являются результатом воли индивида - сознательного выбора действовать определенным образом.⁹ Как только актер принимает сознательное решение отойти от установленных межгрупповых норм, ему трудно вернуться к установленным межгрупповым конвенциям [27]. Это связано с тем, что нарушение нормы означает нарушение социального соглашения, поддерживающего эту норму. Социолог Ира Коэн [28] продолжает:

Если происходит нарушение принятого за должное, вызванное либо изменениями во внешних условиях, либо мыслями и размышлениями со стороны актера, тогда возникают возможности для изменений в этих формах действия. Когда такие изменения связаны с более чем одним актером, на более широкой основе или масштабе, такие изменения могут быть связаны социальными изменениями.

Учитывая тот факт, что бунтовщики действуют вопреки предписанным социальным межгрупповым нормам, этнические беспорядки, согласно модели беспорядков, представляют собой события, содержащие в себе зародыши перемен. Кроме того, учитывая, что этнические беспорядки являются межэтническими событиями, модель беспорядков предполагает, что этнические беспорядки являются ситуациями статуса, инцидентами, которые включают межгрупповые взаимодействия в плане уважения, достоинства и чести. Поэтому модель беспорядков определяет этнические беспорядки как события изменения статуса. Как события, когда актеры сознательно выбирают совершать ненормативные действия (например, беспорядочное поведение), которые содержат в себе возможность изменения. Предполагается, что ненормативное поведение актеров выражает нелегитимное представление, которое они имеют о этнической групповой структуре и ее предписанных межгрупповых ценностях и нормах.

События изменения статуса — это события, в которых группа актеров переходит из одного статуса (социального положения) в другой. Антропологи обычно изучают такие события, которые они называют ритуалами перехода. Антропологические исследования показывают, что события изменения статуса имеют общую процессиональную структуру (ритуал), которая

включает три этапа: разделение, пороговое состояние и реагрегация [29-31]. Разделение — это начальный этап, который запускает процесс изменения статуса. В этой фазе актеры выполняют символические действия, которые указывают на то, что они отделились от своего социального положения [30,31]. Второй, или пороговый этап, процесса изменения статуса — это период перехода. "Лимен" — это порог. "Лиминальность" — это состояние и процесс перехода. Те, кто находится в состоянии лиминальности, являются "неточно определенными, находящимися между установленными состояниями" [32] (стр. 63). Во время лиминальной фазы актеры ведут себя таким образом, который не соответствует обычным шаблонам поведения. Однако следует отметить, что исследования изменения статуса показывают, что поведение актеров в этот период не соответствует повседневным нормам, но соответствует установленным конвенциям для этой фазы события [31]. Например, исследования показывают, что даже во время событий изменения статуса, которые антропологи называют беспорядком, актеры все равно следуют определенным обрядовым правилам и ожиданиям [30,31]. Третий этап - реагрегация — это этап завершения, когда актеры возвращаются в общество, но в новом статусе или роли [31].

Модель беспорядков предполагает, что этнические беспорядки содержат в себе эти три фазы события изменения статуса. В начале этнического беспорядка актеры совершают ненормативные действия, которые указывают на разделение от установленных межэтнических норм и ценностей. Это может быть выражено, например, через символические акты протеста или физическое насилие. Затем следует фаза лиминальности, где актеры совершают действия, которые не соответствуют обычным нормам поведения, но соответствуют установленным конвенциям этнического беспорядка. Например, это может быть участие в массовых протестах, грабежах или деструктивном поведении. Наконец, происходит реагрегация, когда актеры возвращаются в общество, но в новом контексте или с измененными межэтническими динамиками.

В целом, модель беспорядков предполагает, что этнические беспорядки являются событиями изменения статуса, которые проходят через фазы разделения, лиминальности и реагрегация. Эти беспорядки возникают в результате сознательного нарушения актерами установленных межэтнических норм и ценностей, и включают в себя ненормативные действия, которые выражают нелегитимность социальных структур и вызывают потенциал для социальных изменений.

Пятиэтапный процесс беспорядков, определенный моделью беспорядков при изменении статуса, происходит от социальной драмы Тернера [30]. Этапы модели беспорядков при изменении статуса, беспорядки, ответ и разрешение/неразрешение статуса соответствуют этапам социальной драмы Тернера [30]: нарушение, кризис, удовлетворение и интеграция/раскол. Этап триггера модели беспорядков является элементом, который отличает процесс беспорядков от других типов событий при изменении статуса. Этот этап состоит из межгруппового инцидента, когда один или несколько участников воспринимают, что их достоинство/честь были оскорблены. Наконец, следует отметить, что то, что обычно называется беспорядками, по модели изменения статуса признается средним или третьим этапом в целом пятиэтапного процесса беспорядков.

Исследования беспорядков сообщают, что они имеют общую процессиональную структуру [1]. Более того, исследования показывают, что беспорядки не только имеют внутреннюю структуру, но также имеют общую структуру международно. Хоровиц [1] наблюдает, что "есть регулярности в беспорядках. Эти поразительно похожие паттерны позволяют значительной мере обобщать этнический конфликт, не только для отдельных обществ, но как общее

явление". Литература о беспорядках сообщает о следующих общих паттернах и характеристиках:

- беспорядки предшествуют провоцирующим инцидентам [1,7,33];
- беспорядочные действия запускаются триггерными событиями [1,7,33,34];
- беспорядки в целом структурированы неявными правилами и поведением [1,7,33];
- на событие последует какая-то форма реакции [1,33,35]; и
- мужчины составляют значительный процент актеров и целей беспорядков [1,2,6].

Модель изменения статуса предполагает, что первая фаза процесса беспорядков начинается, как и все события изменения статуса, с реального или воспринимаемого изменения статуса. Когда группа актеров отходит от социальной позиции или статуса. Модель беспорядков утверждает, что первая фаза процесса беспорядков начинается, когда опыт, инцидент или условие заставляет членов этнической группы реально или воспринимаемо изменить свое представление о своем положении в обществе. Модель изменения статуса, опираясь на теорию структуризации Гидденса, предполагает, что когда группа актеров воспринимает либо восходящее, либо нисходящее изменение в своем социальном статусе, они соответствующим образом признают изменение своего социального престижа (то есть достоинства/социальной чести). Актеры, воспринимающие восходящее изменение статуса, предположительно проявляют меньшее количество уважения, почтения и т. д. во время межэтнического взаимодействия, чем до изменения. Аналогично модель утверждает, что признанное понижение социального положения группы приводит к тому, что актеры проявляют более высокий уровень почтительности, вежливости и т. д. в межэтнических ситуациях, чем до изменения статуса.

Воспринимаемое изменение статуса, олицетворенное в первой фазе процесса беспорядков, проиллюстрировано в следующем исследовании, описывающем исторические условия, предшествовавшие различным периодам глобальных беспорядков. Перед ранними беспорядками в США в начале XX века доклад Роузвуд [35] утверждает, что вернувшиеся домой афроамериканские ветераны Первой мировой войны приобрели новую перспективу о своем месте в американском обществе. Новое ощущение статуса ветеранов возникло из их зарубежного опыта во время Первой мировой войны, где они были обращены так же, как и их белые военные коллеги. Афроамериканским солдатам были поручены равные обязанности, равная власть и равный доступ к общественным и военным объектам [35]. Доклад также документирует, как эти опыты дали ветеранам силы и изменили их поведение в межгрупповых ситуациях, когда они вернулись домой в конце войны: "Как показали события в Чикаго [беспорядки 1919 года] и Ист Сент-Луисе [беспорядки 1917 года], чернокожие граждане изменили свое отношение... черные начали защищаться от нарастающего насилия" [35]. Похожее изменение статуса проявилось в межэтнических азиатских и африканских беспорядках в середине XX века. В течение этого периода этнические группы в Азии и Африке отвергли низкое социальное положение, назначенное колониальными державами, и требовали суверенитета [1]. Еще одним примером воспринимаемого изменения статуса может служить движение за гражданские права в США, предшествовавшее городским беспорядкам 1960-х годов.

Социолог Памела Оливер [36] отмечает, что "[н]е только большинство чернокожих испытывали гордость... их коллективное чувство... групповая гордость возросли... [и] продолжались вместе с постколониальными борьбами в Африке после войны".

Другие примеры первой фазы бунта, свидетельствующей о воспринимаемом изменении статуса, выражены в следующих цитатах, которые описывают, как нарушалась установленная система до ранних европейских и американских бунтов XXI века. Социолог Мишель Вивиорка [37] описывает Францию в этот период как "сталкивающуюся... с полным кризисом, когда социальные, институциональные, политические и культурные элементы... кажутся

непримиримыми". Второй иллюстративный пример приводят британские социологи Стивен Райхер и Клиффорд Скотт [38] в своем анализе бунта в Тоттенхеме (Англия) в 2011 году: "[он] возник из инцидента, иллюстрирующего незаконность полиции... страсть участников отражала не только возмущение, но и восторг тех, кто наконец мог проявить свою силу перед теми, кто обычно обладал над ними властью".

Последний типичный пример фазы изменения статуса модели бунта приводят Алисия Гарза, одна из сооснователей организации Black Lives Matter (BLM) в США, и Тиа Осо, национальный организатор Black Alliance for Just Immigration. Их цитаты показывают, что до бунтов в Фергюсоне в 2014 году и Балтиморе в 2015 году восприятие афроамериканцами своего социального статуса не соответствовало восприятию обществом. Гарза объясняет, что она начала BLM в 2012 году "чтобы устранить системный расизм... и разработать стратегию, которая поможет нам [афроамериканцам] достичь места, которое мы заслуживаем" [39] (пара. 8). Осо также говорит, что она начала свою организацию, потому что "реформы недостаточны... систему нужно преобразовать... чтобы изменить социальные нормы" [39].

Модель бунта утверждает, что общественная обстановка становится благоприятной для бунтов, когда члены одной или нескольких этнических групп воспринимают изменение статуса, которое не признается и/или не принимается обществом в целом. Готовность возрастает, когда мнения о статусах этнических групп становятся более разнообразными в обществе. Это происходит, когда одна группа членов этнической группы воспринимает изменение статуса и требует изменения межгрупповых норм. В то же время другая группа актеров ожидает, что межгрупповое взаимодействие будет продолжаться так же, как и раньше. Различное восприятие статуса разных групп актеров создает атмосферу, которая превращает обычные межэтнические взаимодействия в предвещающие бунты ситуации, где процесс оценки количества чести - и, следовательно, ценности, выражаемой во время события - усиливается. В результате, даже незначительные или безобидные межгрупповые взаимодействия в этой фазе бунта могут привести к ожесточенным столкновениям между группами. Например, Хоровиц [1] рассказывает, как различные провокаторы и сторонники бунта оправдывали нападения на представителей целевой группы, потому что они воспринимали отношение целевой группы как неподходящее; оно не соответствовало восприятию провокационной группы о том, как должна вести себя целевая группа: "Черным жертвам в Чикаго (1919), Детройте (1943) и Ист-Сент-Луисе (1917) говорили, что они стали 'высокомерными' и 'заслуживают того, что им достается'... Бенгалцы в Ассаме (1960) считали себя высокомерными; насилие оправдывалось из-за их... ложной гордости" [1].

Социолог Джеймс Мессершмидт [40] в своих исследованиях о гендере, расе и насилии приводит пример различных взглядов групп. Он отмечает, что после переоценки законодательного и социального статуса афроамериканцев в конце XIX века "определения и практики, определяющие и раскрывающие и раскрывающие расу и мужественность", находились в процессе изменений, и "насилие белых мужчин-массовиков стало попыткой насильно восстановить старые значения и иерархию" [40]. Также социолог Ли Уильямс [13], исследовавший бунты в США в период с 1906 по 1947 год, отмечает: "[бунты] возникали из-за неотразимого стремления [белых] сохранить англосаксонское господство". Оливер [36] также сообщает о результатах исследований, которые показывают, что до городских бунтов в США в 1960-х годах существовали этнические разделения по статусу. Она объясняет: "Сознание чернокожих изменилось... Хотя эти изменения мало повлияли на экономические условия или политическую власть чернокожих, они имели огромное влияние на образцы социального взаимодействия в интегрированных средах" [36].

Вторая фаза модели бунта, или фаза провокации, обозначает момент, когда потенциал для бунта осуществляется через провоцирующее событие [1,3]. Провоцирующее событие происходит в общественном месте и включает членов двух или более статусных групп и/или их представителей (например, полицию). Члены межгруппы также имеют различные представления о своих социальных позициях и, следовательно, о количестве достоинства, которое они и другие этнические группы должны придерживаться во время межгрупповых взаимодействий [3,5,13,41]. Примеры провоцирующих событий включают полицейские произволы, дискриминацию, насилие или другие формы притеснения, которые привлекают внимание общественности и вызывают эмоциональные реакции участников [1,5,13,41].

Третья фаза модели бунта - это фаза мобилизации, которая представляет собой ответное движение со стороны членов целевой группы на провокационное событие [1,3,5]. В этой фазе люди начинают мобилизовываться, выражая свое возмущение, гнев и требования изменений через различные формы протеста, такие как митинги, демонстрации, гражданская неповиновение и даже насилие [1,5,13,41]. Мобилизация может быть организованной и координированной, например, через движения гражданских прав или другие организации, или же быть спонтанным выражением гнева и возмущения [1,5,13,41].

В четвертой фазе модели бунта, или фазе конфронтации, происходит столкновение между актерами, которое может включать как пассивное сопротивление, так и насилие [1,3,5]. Конфронтация может быть межгрупповой, то есть между представителями разных этнических групп, или внутригрупповой, когда различные фракции внутри одной группы борются друг с другом [1,5,13,41]. В этой фазе возможно использование тактик гражданского неповиновения, вооруженного сопротивления, баррикадирования, разрушений и других форм протеста [1,5,13,41].

Наконец, пятая фаза модели бунта - это фаза адаптации, которая следует за конфронтацией и представляет собой изменения в социальной и политической структуре общества в результате бунта [1,3,5]. Эти изменения могут быть формальными, такими как новые законы и политики, или неформальными, такими как изменение восприятия и отношений между различными группами [1,5,13,41]. Фаза адаптации может включать также изменения в системе управления, распределении ресурсов и социальной справедливости, чтобы удовлетворить требования и потребности протестующих групп [1,5,13,41].

В целом, модель бунта представляет собой упрощенную схему для объяснения динамики и последовательности событий, связанных с возникновением и развитием бунтов. Однако каждый конкретный случай бунта имеет свои особенности и контекст, и объяснение его причин и последствий требует учета множества факторов, включая исторические, экономические, социальные и политические условия.

Вторая фаза модели бунта социального статуса, или фаза триггера, обозначает момент, когда потенциал для бунта становится реальностью через триггерное событие [1, 3]. Триггерное событие происходит в общественном месте и включает участников двух или более социальных групп и/или их представителей (например, полицию). Участники межгрупповых взаимодействий также имеют различные представления о своем социальном положении и, следовательно, о мере достоинства, которую они и члены других этнических групп должны проявлять во время таких взаимодействий. Кроме того, фаза триггера включает инцидент, который сам по себе или в накоплении с предыдущими межгрупповыми инцидентами приводит актеров к точке, в которой достоинство или честь становятся важными. Райхер и Скотт [38] объясняют: "[л]юди склонны к бунту, когда они ощущают, что их обращают с ними незаконно". Вивиорка [37] приводит общий пример триггерного события в своем отчете о причинах французских бунтов 2005 года:

Во Франции (или, например, в Лос-Анджелесе в 1992 году) бунты очень часто начинаются с новостей или слухов о полицейских или юридических злоупотреблениях . . . Вторым важным элементом был использованный словарь . . . обещание очистить популярные районы от преступности с помощью Керхера (моющего аппарата под высоким давлением). Эти выражения . . . были восприняты молодежью . . . как дискредитирующие всех их . . .

Ежедневные воспринимаемые оскорбления социального статуса также могут накапливаться со временем и привести к триггерному событию. Питт-Риверс [17] объясняет: "[жертва оскорбления] теряет честь только в тот момент, когда ей приходится признавать, что она была оскорблена". Конкретные примеры, иллюстрирующие типичные межгрупповые взаимодействия, приводящие к триггерным событиям, можно найти в отчете о бунте в Уоттсе 1965 года, который начался после того, как афроамериканца остановила полиция и не позволила ему зайти в местный ресторан [33]. О бунте в Атланте 1967 года сообщается, что он начался с ареста афроамериканца, которого обвинили в вождении в нетрезвом состоянии [41], а бунт в Детройте 1967 года начался непосредственно после ареста 21-летнего афроамериканца за превышение скорости [33].

Концепция чести дает модели бунта возможность объяснить, почему некоторые бунты возникают из обычных повседневных ситуаций, в то время как другие вызваны уникальными событиями. Фактор достоинства или социальной чести также может быть важным для объяснения того, почему мужчины как представители существенной части актеров бунтов [1, 2, 10] являются целью бунтов [1]. Мессершмидт [40] заключает в своих исследованиях, что концепция маскулинности во многих культурах связана с защитой групповой чести. По этой причине модель бунта предполагает, что мужчины могут участвовать в бунтах чаще, чем женщины, потому что участие в бунтах соответствует общественным представлениям о маскулинности, выражаемым через мужскую честь. Это предположение подтверждается результатами исследований бунтов. Примеры подтверждающих результатов включают следующие высказывания членов сообщества о городских бунтах 1960-х годов в США: "[Сообщества, пережившие бунт], увидели, как дети впервые уважали своих отцов" [42]; "[Бунт] сделал наших мужчин настоящими мужчинами" [42]. Более современный пример, свидетельствующий о связи между маскулинностью, честью и бунтами, можно найти в работе социолога Оливера Роя. Он объясняет, что молодежная мужская культура в районах французских бунтов 2005 года "основывалась на насилии и столкновениях с полицией" [43]. Это соответствует результатам Питт-Риверса [17], которые указывают на то, что для некоторых культур "конечное подтверждение чести заключается в физическом насилии". В отношении объяснения того, как честь связана с исследованиями, которые указывают на то, что мужчины являются целью межэтнических бунтов значительно чаще, чем женщины [1], немецкий историк Уте Фреверт [44] наблюдает, что "[понятия чести и позора] имеют ярко выраженную гендерную принадлежность . . . мужчины могут гордиться нападением на своих братьев по полу".

Фаза бунта в модели бунта социального статуса состоит из периода селективного направления [1, 45]. Об этом свидетельствуют отчеты, которые указывают, что во время бунта в Сингапуре в 1950 году европейцы и евразийцы были пропорционально более часто становились целями. Актеры повреждали имущество, в основном автомобили, крали вещи и совершали нападения на европейцев и евразийцев, в некоторых случаях заканчивавшиеся смертью [1]. Второй пример селективного направления рассказывается в отчете о бунте в Роузвуде 1923 года [35]. Результаты отчета указывают, что во время этого бунта были подожжены только дома афроамериканцев [35]. Райхер и Скотт [38] приводят современные примеры селективного направления, которое произошло во время бунтов в Англии 2011 года. Они сообщают: "полиция (как представители существующего статуса) были целью бунтующих, и, что особенно

интересно, собственность (также символ существующего статуса)". Модель бунта утверждает, что селективное направление возникает, когда актеры направляют свою агрессию против представителей и символов существующего социального статуса.

Социальный контроль является третьей фазой модели бунта социального статуса [1]. В этой фазе участники бунта сталкиваются с контрмерами со стороны властей и полиции, включая аресты, задержания и применение силы для восстановления порядка. Это демонстрирует попытку властей подавить бунт и вернуть социальный статус к предыдущему состоянию. Однако модель бунта также утверждает, что социальный контроль может спровоцировать дальнейшие акты протеста и насилия со стороны участников бунта, что приводит к замкнутому циклу беспорядков [1, 46]. Это может быть вызвано ощущением несправедливости или продолжающимся нарушением достоинства актеров бунта, а также поддержкой со стороны их социальных сетей, которые поддерживают и укрепляют их поведение.

В заключение, модель бунта социального статуса объясняет динамику и механизмы развития социальных бунтов. Она включает фазы прерывания, триггера, бунта и социального контроля, которые взаимодействуют друг с другом и создают цикл беспорядков. Эта модель позволяет понять, как обычные межгрупповые взаимодействия, накопленное оскорбление достоинства и триггерные события могут привести к бунту и дальнейшему насилию. Модель также учитывает роль чести и маскулинности в формировании и поддержании бунтов.

Четвертая фаза процесса бунта соответствует социальной драматической фазе восстановления/разрыва Тьюрнера. В этой фазе процесса бунта осуществляются ответы на стадию бунта. Ответы могут быть официальными, с юридической и/или правительственной стороны, или, в противном случае, это могут быть неофициальные комментарии, заявления или предположения. Официальные ответы, описанные в литературе о бунтах, включают карательные меры в отношении участников бунта (например, аресты, штрафы, заключение в тюрьму) и реактивные действия на бунт (например, публичные собрания, неофициальные и официальные расследования, изменения местных, штатных или федеральных законов, политик и/или практик). Неофициальные ответы включают социальные комментарии о бунте. В литературе указывается, что неофициальные ответы включают заявления или интерпретации бунта местными и национальными лидерами, замечания представителей правоохранительных органов и/или комментарии местных жителей [1, 33]. Примером формального ответа, последовавшего после бунта в Талсе (Оклахома) в 1921 году, является формирование Великим жюри для расследования причин бунта и возможных преступных действий, совершенных во время происшествия [47]. Аналогично, впоследствии городских бунтов в США в 1960-х годах Линдон Джонсон создал президентскую комиссию, чтобы выяснить, что вызвало бунты и что можно сделать, чтобы смягчить такие события. Пример неофициального ответа можно найти в описании социологом Франком Пупо [11] того, что произошло после бунтов во Франции в 2005 году: "специалисты по 'социальному вопросу' заполнили экраны, эфиры и газеты, чтобы описать масштаб 'пригородного кризиса'".

Модель изменения статуса указывает, что последний этап процесса бунта - разрешение/неразрешение статуса - соответствует социальной драматической фазе реинтеграции/разрыва Тьюрнера. Заключительная стадия процесса бунта завершается одним из двух возможных исходов: либо разрешением разногласий по поводу статуса группы, либо увеличением напряженности между группами из-за неразрешенных вопросов статуса. Как указывает Хоровиц [1]: "одно оно [бунт] точно не сделает - оно не оставит конфликт в том же месте". Разрешение статуса происходит, когда различные взгляды на этнический статус актеров сливаются в новую социально согласованную точку зрения; это происходит, когда большая часть общества рассматривает социальное положение действующих групп и их членов подобным

образом. Например, в конце 1960-х годов город Атланта принял новые законы о трудоустройстве в ответ на движение за гражданские права и широко распространенные городские бунты в США. Эти изменения в заработной плате повысили доходы афроамериканских работников города Атланты и, следовательно, неявно повысили их уровень благосостояния, власти и престижа (то есть их статус). С течением времени эти и другие недискриминационные практики были приняты в Атланте и по всей США. Это привело к одновременной трансформации этнических групп в США и межэтнических взаимодействий.

Модель изменения статуса бунта, напротив, указывает, что неразрешенный исход модели бунта происходит, когда восприятия актеров о статусах этнических групп остаются расходящимися [7, 48, 49]. Эту ситуацию иллюстрируют Перес, Берг и Майерс [49], сообщающие, что после бостонских и сан-францисских бунтов 1960-х годов обе общины проявляли сильные расколы по расовой основе. Отчет о бунте в Роузвуде [35] дает аналогичные выводы после бунта в 1923 году в Роузвуде, где указывается, что жестокость и интенсивность бунта поделили афроамериканцев и европейцев-американцев на протяжении почти 70 лет.

Модель изменения статуса указывает, что неразрешенный исход последней фазы бунта, так же как и первая стадия, может привести к возникновению бунта. Потенциал возникает из той же атмосферы, описанной в начальной фазе бунта - разделяющего восприятия о статусе этнических групп, которые могут привести к конфликтным ситуациям в сфере статуса. Точно так же, как в первой фазе процесса бунта, несоответствующие восприятия в отношении статуса этнических групп создают внутри неразрешенного исхода по статусу благоприятную атмосферу для возникновения бунтов. Модель изменения статуса подчеркивает, что потенциал для бунта может существовать в течение дней, недель и даже десятилетий на этой фазе процесса бунта. Неразрешенный исход последней фазы модели бунта по изменению статуса таким образом представляет механизм объяснения общего вывода из исследований о бунтах, что бунты повторяются в тех же географических местах в течение коротких и длительных периодов времени [1, 33]. Заявление Роя [43] о бунтах во Франции в 2005 году иллюстрирует этот вывод: "это не вызывает удивления, они [бунты] повторяются с начала 1980-х годов". Еще одним примером являются результаты исследования Спилермана [7], где говорится: "одиннадцать из пятнадцати городов испытали два или более беспорядка в период с 1965 по 1968 год".

Потенциал бунта в неразрешенном исходе по статусу в основном определяется тем, насколько эффективно удовлетворяются запросы бунтующих групп в отношении изменения статуса и насколько различные восприятия о статусе преодолены в обществе. Если запросы на изменение статуса не реализуются, а различные восприятия остаются неразрешенными, то эта ситуация может длиться долгое время и поддерживать потенциал для возникновения будущих бунтов.

Несмотря на то, что модель изменения статуса и социальная драматургия Тьюрнера предлагают различные термины и концепции, они оба предлагают рамки для понимания динамики и исходов бунтов. Они акцентируют внимание на взаимодействии между этническими группами, восприятиях о статусе и возможных последствиях для общества.

Модель беспорядков при изменении статуса открывает новый путь объяснения беспорядков. Она определяет беспорядки как события изменения статуса. Таким образом, модель беспорядков способна объяснить беспорядки в терминах взаимоотношений этнических групп и факторов статуса и чести - то есть достоинства. Модель изменения статуса также указывает, что процесс беспорядков начинается и заканчивается изменениями. Он начинается с преобразования в восприятии актеров их социального положения и заканчивается либо изменением структур этнических групп и межэтнических норм, либо усилением напряженности в отношениях между этническими группами.

Для проверки общей жизнеспособности модели беспорядков и оценки ее описательной и объяснительной силы требуются дальнейшие исследования. Кроме того, необходимы исследования, чтобы понять значение чести при объяснении гендерных аспектов беспорядков и других насильственных коллективных событий. Кроме того, исследования необходимы для ответа на важные вопросы о значимости статуса в контексте социальных изменений. Может ли модель использоваться для объяснения межгруппового насилия в общем? Ведь, как сообщает Хоровиц [1], "этнические беспорядки часто предшествуют сепаратистским войнам, терроризму и нескольким крупным формам политических изменений". Включают ли насильственные межгрупповые события одну или несколько групп актеров, которые осуществляют целенаправленные действия в попытке нарушить социальные иерархии и/или нормы, чтобы изменить свое место в обществе или мире?

Исследования направлены на расширение области применимости модели беспорядков и оценку ее силы в объяснении различных типов беспорядков. Также важно исследовать, насколько значима роль чести при объяснении беспорядков и насилия внутри группы. Кроме того, стоит изучить, как изменение статуса и появление новых норм влияют на социальные изменения в обществе. Эти исследования помогут лучше понять причины и последствия беспорядков, а также способы предотвращения и урегулирования подобных ситуаций.

Дополнительные исследования также могут помочь выяснить, какие факторы способствуют переходу от беспорядков к масштабным политическим изменениям, таким как сепаратистские войны или террористические акты. Разработка более точных и прогностических моделей может дать ценные рекомендации для политики и международных организаций в предотвращении конфликтов и смягчении их последствий.

Библиографический список

1. Horowitz, D. *The Deadly Ethnic Riot*; University of California Press: Berkeley, CA, USA, 2001.
2. Gilje, P. *Rioting in America*; Indiana University Press: Bloomington, IN, USA, 1996.
3. Lieberman, S.; Silverman, A. The Precipitants and Underlying Conditions of Race Riots. *Am. Sociol. Rev.* 1965, 30, 887–898.
4. Abudu-Stark, M.; Raine, W.; Burbeck, S.; Davison, K. Some Empirical Patterns in a Riot Process. *Am. Sociol. Rev.* 1974, 39, 865–876.
5. Reicher, S. Reading the Riot Actors. *New Sci.* 2011, 2830, 30–31.
6. McPhail, C. Civil Disorder Participation: A Critical Examination of Recent Research. *Am. Sociol. Rev.* 1971, 36, 1058–1073.
7. Spilerman, S. The Causes of Racial Disturbances: A Comparison of Alternative Explanations. *Am. Sociol. Rev.* 1970, 35, 627–649.
8. Stott, C.; Drury, J.; Reicher, S. On the Role of a Social Identity Analysis in Articulating Structure and Collective Action: The 2011 Riots in Tottenham and Hackney. *Br. J. Criminol.* 2017, 57, 964–981.
9. Finkel, S.; Rule, J. Relative Deprivation and Related Psychological Theories of Civil Violence: A Critical Review. In *Social Movements, Conflicts, and Change*; Lang, K., Lang, G., Eds.; JAI Press: Greenwood, MA, USA, 1986; Volume 9, pp. 47–69.
10. Olzak, S.; Shanahan, S. Deprivation and Race Riots: An Extension of Spilerman's Analysis. *Soc. Forces* 1996, 74, 931–961.
11. Poupeau, F. *French Sociology Under Fire: A Preliminary Diagnosis of the November 2005 Urban Riots*, Social Science Research Council: 2005 Riots in France. Available online: <http://riotsfrance.ssrc.org/Poupeau/> (accessed on 13 January 2015).
12. Weber, M. Class, Status, Party. In *From Max Weber: Essays in Sociology*; Gerth, H., Mills, C.W., Eds.; Oxford University Press: New York, NY, USA, 1958; pp. 180–195.

13. Williams, L.E. Post-War Riots in America 1919–1946: How the Pressures of War Exacerbated American Urban Tensions to the Breaking Point; Edwin Mellen Press: Lewiston, NY, USA, 1991.
14. Sidanius, J.; Pratto, F. Social Dominance Theory: A New Synthesis. In *Social Dominance: An Inter-group Theory of Social Hierarchy and Oppression*; Jost, J.T., Sidanius, J., Eds.; Cambridge University Press: New York, NY, USA, 1999; pp. 31–57.
15. Jasso, G. Studying Status: An Integrated Framework. *Am. Sociol. Rev.* 2001, 66, 96–124.
16. Rodriguez Mosquera, P.M.; Manstead, A.; Fischer, A. Honor in the Mediterranean and Northern Europe. *J. Cross Cult. Psychol.* 2002, 33, 16–36.
17. Pitt-Rivers, J. Honour and Social Status. In *Honour and Shame: The Values of Mediterranean Society*; Peristiany, J.G., Ed.; Weidenfeld and Nicolson: London, UK, 1965; pp. 19–77.
18. Barrett, F.; Sarbin, T. Honor as a Moral Category: A Historical-linguistic Analysis. *Theory Psychol.* 2008, 18, 5–25.
19. Blincoe, S.; Harris, M.J. Status and Inclusion, Anger and Sadness: Gendered Responses to Disrespect. *Eur. J. Soc. Psychol.* 2011, 41, 508–517.
20. Spierenburg, P. Masculinity, Violence and Honor: An Introduction. In *Men and Violence Gender, Honor, and Rituals in Modern Europe and America*; Spierenburg, P., Ed.; Ohio State University Press: Columbus, OH, USA, 1998; pp. 1–29.
21. Saucier, D.; Stanford, A.; Miller, S.; Martens, A.; Miller, A.; Jones, T.; McManus, J.; Burns, M. Masculine Honor Beliefs: Measurement and Correlates. *Personal. Individ. Differ.* 2016, 94, 7–15.
22. Sidanius, J.; Veniegas, R.C. Gender and Race Discrimination: The Interactive Nature of Disadvantage. In *The Claremont Symposium on Applied Social Psychology Reducing Prejudice and Discrimination*; Oskamp, S., Ed.; Lawrence Erlbaum Associates Publishers: Mahwah, NJ, USA, 2000; pp. 47–69.
23. Giddens, A. *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuralism*; University of California Press: Berkeley, CA, USA, 1984.
24. Giddens, A. *A Contemporary Critique of Historical Materialism, Vol.1, Power, Property and the State*; Macmillan: London, UK, 1981.
25. Giddens, A.; Pierson, C. *Conversations with Anthony Giddens: Making Sense of Modernity*; Polity: Cambridge, MA, USA, 1998.
26. Ritzer, G.; Murphy, W.W. *Essentials of Sociology*, 3rd ed.; Sage Publications: Thousand Oaks, CA, USA, 2018.
27. Giddens, A. *Modernity and Self-identity: Self and Society in the Late Modern Age*; Polity: Cambridge, MA, USA, 1991.
28. Cohen, I. Theories of Action and Praxis. In *The Blackwell Companion to Social Theory*, 2nd ed.; Turner, B.S., Ed.; Blackwell: Oxford, England, UK, 2000; pp. 73–111.
29. Gluckman, M. Les Rites de Passage. In *Essays on the Ritual of Social Relations*; Gluckman, M., Ed.; Manchester University Press: Manchester, UK, 1975; pp. 24–40.
30. Turner, V. *The Drums of Affliction: A Study of Religious Processes Among the Ndembu of Zambia*; Oxford University Press: Oxford, UK, 1968.
31. Van Gennep, A. *The Rites of Passage*; University of Chicago Press: Chicago, IL, USA, 1960.
32. Turner, V. *Process, Performance and Pilgrimage*; Concept Publishing: New Delhi, India, 1979.
33. Report of the National Advisory Commission on Civil Disorders; Kerner, O. (Ed.) Bantam: New York, NY, USA, 1968.
34. McPhail, C.; Wohlstein, R.T. Individual and Collective Behaviors within Gatherings, Demonstrations, and Riots. *Annu. Rev. Sociol.* 1983, 9, 579–600.
35. Rosewood Report: A Documented History of the Incident Which Occurred at Rosewood, Florida, in January 1923; University of Florida: Tallahassee, FL, USA, 1993.
36. Oliver, P. Bringing the Crowd Back: The Nonorganizational Elements of Social Movements. *RSMCC* 1989, 11, 1–30.
37. Wieviorka, M. Violence in France. Social Science Research Council: 2005 Riots in France. Available online: <http://riotsfrance.ssrc.org/Wieviorka> (accessed on 13 January 2015).

38. Reicher, S.; Scott, C. Mad Mobs and Englishmen? Myths and Realities of the 2011 Riots. The Guardian. 2015
39. Workneh, L. The Unrelenting Fight for Black Lives 25 Years After the LA Riots. Black Voices. 2017
40. Messerschmidt, J. Crime as Structured Action Gender, Race, Class, and Crime in the Making; Sage: Thousand Oaks, CA, USA, 1997.
41. Hill, G. Curfew Ordered. New York Times. 2015
42. Hacker, F.; Harmetz, A. The Riot: A Liberating, Identifying Force. In Urban Racial Violence in the Twentieth Century; Boskin, J., Ed.; Glencoe: Beverly Hills, CA, USA, 1969; pp. 87–92.
43. Roy, O. The Nature of French Riots,” Social Science Research Council: 2005 Riots in France. Available online: <http://riotsfrance.ssrc.org/Roy/> (accessed on 13 January 2015).
44. Frevert, U. Taming of the Noble Ruffian: Male Violence and Dueling in Early Modern and Modern Germany. In Men and Violence, Gender, Honor, and Rituals in Modern Europe and America; Spierenburg, P., Ed.; Ohio State University Press: Columbus, OH, USA, 1998; pp. 37–63.
45. Feagin, J.; Hahn, H. Ghetto Revolts: The Politics of Violence in American Cities; MacMillan: New York, NY, USA, 1973.
46. Couch, C. Collective Behavior: An Examination of Some Stereotypes. Soc. Probl. 1968, 15, 310–322.
47. Tulsa Race Riot Jury Indicts Police Chief. New York Times, 19 June 1921; 16.
48. Bergesen, A. Race Riots of 1967 an Analysis of Police Violence in Detroit and Newark. J. Black Stud. 1982, 12, 261–274.
49. Perez, A.D.; Berg, K.; Myers, D. Police and Riots, 1967–1969. J. Black Stud. 2003, 2, 153–182.

Сведения об авторах:

Мясоедов Алексей Иванович, Руководитель Центра московского долголетия «Хорошевский» города Москвы, магистр Институт финансов, экономики и управления, Тольяттинский государственный университет, Россия, Самарская обл., Тольятти, Белорусская ул., 14, retvil@mail.ru

Иванова Светлана Петровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Теория и практика управления» института «Иностранные языки, современные коммуникации и управление», Московский государственный психолого-педагогический университет, Россия, Москва, ул. Сретенка, д. 29, 76sivanova@mail.ru

УДК 177.5

Е.С. Богданов

ФЕНОМЕН «КУЛЬТУРНОГО РАСИЗМА» В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ

Аннотация: В статье рассматривается проблема «культурного расизма», на примере стран Европы. Автор анализирует «культурный расизм» как феномен, базирующийся на социальном и экономическом неравенствах и ведущий к нарушению прав человека. Кроме того, в данной работе представлены имеющиеся модели формирования мультикультурализма, описываются способы профилактики и борьбы с «культурным расизмом». Автор изучил результаты исследований и провел анализ существующих работ по этой теме, в качестве результатов проведенной работы обозначены пути борьбы с культурным расизмом в регионе. Статья является актуальным исследованием проблемы «культурного расизма» и может быть полезной для специалистов, изучающих данную проблему и всех, кто заинтересован в стабильной социокультурной ситуации в условиях равенства и справедливости.

Ключевые слова: «культурный расизм», идентичность, мультикультурализм, национализм, миграция, общество

E.S. Bogdanov. The phenomenon of «cultural racism» in modern Europe

Abstract: The article deals with the problem of «cultural racism», using the example of European countries. The author analyzes «cultural racism» as a phenomenon based on social and economic inequalities and leading to human rights violations. In addition, this paper presents the existing models of multiculturalism formation, describes ways to prevent and combat «cultural racism». The author studied the results of research and analyzed existing works on this topic, as the results of the work outlined ways to combat cultural racism in the region. The article is an actual study of the problem of «cultural racism» and can be useful for specialists studying this problem and anyone interested in a stable socio-cultural situation in conditions of equality and justice.

Keywords: «cultural racism», identity, multiculturalism, nationalism, migration, society

В последнее время все большую актуальность приобретает проблема не расовой, но культурной дискриминации. Этот вид расизма является продолжением «традиционного», т.е. биологического и пока остается малоизученным в научном дискурсе. Он проявляется через дискриминацию и пренебрежительное отношение к народам и их традициям, основанное на стереотипах и предрассудках о культурной составляющей. Цель данной научной статьи - рассмотреть причины возникновения культурного расизма на примере стран Восточной Европы, формы его проявления в повседневной жизни общества, а также исследовать возможности борьбы с подобной дискриминацией.

Считается, что проблема расовой дискриминации появилась в эпоху Великих географических открытий, когда европейцы впервые столкнулись с большим потоком представителей народов Южной Америки и Африки. Такого мнения придерживается, например, В. А. Шнирельман. Европейцы, в контексте достигнутого ими технического превосходства, обосновывали использование рабского труда своим превосходством над негроидной расой [1].

Первая формулировка расизма возникла, по мнению французского историка М. Фуко, в период раннего Нового времени как «дискурс расовой борьбы» и исторический и политический дискурс, который ученый противопоставил философскому и юридическому дискурсу суверенитета. Далее теория о неравенстве рас получила еще большее развитие: А. де Гобино в 1853-1855 гг. выдвинул тезис о влиянии расовых составов рассматриваемых обществ на особенности их культур, социальных строев, экономических моделей, и, в конечном итоге, на их цивилизационную успешность. Он считал, что нордические народы проявляли над другими свое культурное превосходство. Принято считать, что Де Гобино был первым, кто попытался «научно обосновать расовую дискриминацию» [2-3].

После Второй мировой войны, когда нацистская идеология подверглась осуждению на международном уровне, а биологами были проведены масштабные генетические

исследования, идея, что человеческий вид подразделяется на биологически различные расы, начала приходить в упадок, и расизм потерял научную поддержку. К середине XX в. он дискредитировал себя как идеология и был подвергнут остракизму на мировом уровне: в 1966 г. была принята Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Хотя, расовая дискриминация продолжала существовать официально, например, в 1948 - 1994 гг. в форме апартеида в ЮАР [4-7].

Несмотря на борьбу с расизмом в разных странах на общественном и государственном уровне, в скрытой форме расизм продолжает существовать как на уровне массового сознания, так и в академической среде. В конце XX в. возникает идеология «нового» расизма, который, в отличие от «традиционного», апеллирует не к «крови», а к ценностям народа. Впервые к риторике «нового расизма» в конце 1960-х гг. обратился британский консерватор Э. Пауэлл, спустя десять лет она была подхвачена М. Тэтчер [1,6].

Центральной идеей «культурного расизма» (также «неорасизм» или «дифференциалистский расизм») является непреодолимое различие между культурами разных народов, которое ведет к формированию закрытых национальных государств, продвигается идея неспособности национальных меньшинств принять культуру национального большинства государства. Кроме того, присутствует мнение о культурном происхождении различных проблем в обществе [8-9].

Как отмечает Г. Фредриксон, «культура может быть эссенциализирована до такой степени, что она оказывает такое же детерминирующее воздействие, как цвет кожи». Однако для того, чтобы избежать путаницы между неорасизмом и этноцентризмом Фредриксон считает необходимым наличие двух дополнительных элементов: во-первых, должно присутствовать убеждение в том, что различия между этническими группами постоянны. В противном случае - если преобразование или ассимиляция являются реальной возможностью - можно говорить о культурной или религиозной нетерпимости, но не о расизме. Во-вторых, должен существовать политический и социальный аспект идеологии, то есть «осуществление «власти во имя расы» (нации) и вытекающие из этого модели доминирования или исключения». Согласно Фредриксону, культурный расизм можно определить как явление, которое возникает, «когда этническая группа или исторический коллектив пытается доминировать, исключать или элиминировать другую группу на основе различий, которые считаются наследственными и неизменными» [10].

Таким образом, можно заключить, что «неорасизм» является стойкой формой мышления, которая приводит к появлению у масс определенных предубеждений, касающихся неразрешимых культурных различий между народами.

К феномену «культурного расизма» также можно отнести радикальное требование использования только местного языка. Этот вопрос особенно актуален в странах, которые являлись бывшими национальными республиками СССР.

Очевидно, что культурные различия тем больше там, где чаще сталкиваются далекие друг от друга этнические группы. Что ставят в вину некоторым категориям мигрантов, так это то, что они культурно «неассимилируемы» и, следовательно, представляют собой потенциальную столкновений на этой почве, что негативно сказывается, как на всем обществе, так и на национальном меньшинстве [5].

Среди таких регионов выделяется Центральная и Восточная Европа. Большой приток мигрантов из стран Ближнего Востока, Азии и Африки, начавшийся еще в середине XX в. и усилившийся в начале XXI в. был спровоцирован как конфликтами в странах беженцев, так и благоприятной миграционной политикой стран Европы, а также, часто, тесными

постколониальными связями государств (Франция - Марокко, Ливан, Алжир; Великобритания - Уганда, Афганистан, Пакистан, Индия и т.д.).

Одним из базовых элементов, на который опираются сторонники тезиса о «непреодолимости культурных различий» это вопрос религии. По мнению ряда исследователей (например, А. Кунднани) одним из самых ярких на сегодня примеров неорасизма как раз является исламофобия [11].

Критичнее ситуация в исторически православных странах: существует ряд исследований, демонстрирующих, что в государствах, с доминирующей православной верой имеется весомое общественное мнение о неразделимости понятия «настоящий гражданин» и «православный» [12].

Исследователь проблем расизма и дискриминации А. Сиванандан также видел причины проявлений «неорасизма» в экономических проблемах, которые являются следствием притока мигрантов, как дешевой рабочей силы: «для коренных, бедных, белых людей, которым приходится конкурировать за жилье, работу, социальные услуги и т. д., «естественно» враждебно относиться к тем, кто выглядит как очевидная причина их трудностей, отмеченных цветом кожи, чужеродностью или культурными различиями». Из этого следует, что мигранты представляются коренным жителям, как опасное явление, и, следовательно, провоцируют нежелание принимать чужую культуру [13].

Часто, различные формы ксенофобии, в том числе и культурную дискриминацию, пытаются объяснить с биологической точки зрения. Например, один из ведущих мировых биологов Р. Сапольски утверждает, что способность человеческого сознания мыслить категориями «мы» и «они» укоренена очень глубоко: уже младенцы предпочитают тех, кто говорит на языке родителей, более позитивно реагируют на людей одной расы со своими родителями и проще запоминают их лица. Однако Сапольски подчеркивает, что большинство современных человеческих обществ полагается на культурный родственный отбор, позволяющий людям чувствовать себя близко связанными с теми, кто с биологической точки зрения являются для них абсолютно чужими. По мнению В. Р. Дольника, для человека настороженная реакция на непохожих людей неизбежна и биологически нормальна. Также у человека различия, связанные с языком, традицией, культурой, одеждой, прической, религией, могут создавать внешнее впечатление другого вида и включать данный механизм [14-15].

Одной из наиболее популярных у мигрантов стран является ФРГ: она занимает второе место по количеству новых мигрантов, прибывших в страну на длительные сроки. Согласно официальным данным, в 2013 г. в Германии проживало 29,6 млн мигрантов и их потомков (в том числе 12,1 млн мигрантов, обладающих немецким гражданством), что составляло более четверти населения, а к 2015 г. в Германии официально насчитывалось 10,2 млн жителей, имеющих только иностранное гражданство, что является наибольшим значением за всю историю ФРГ. Крупнейшими странами происхождения мигрантов в Германии сегодня являются Турция (12,8 %), РФ (11,4 %), Польша (9,0 %), Казахстан (6,9 %), Румыния (4,4 %), Италия (4,0 %) и Греция (2,1 %) [16-19].

Большое скопление различных культур и ценностей в государстве привело коренное население Германии к критическим оценкам миграционной политики. Так, в 2009 г. распространение ислама беспокоило треть немцев, а в 2012 - 2015 гг. уровень страха перед исламом у жителей Германии вырос с 53 % до 57 %. Однако, как показывает статистика, наибольший уровень исламофобии в тех федеральных землях, где мусульман наименьшее количество [16-19]. После массовых нападений в г. Кельн в 2016 г., где основную массу нападавших составляли выходцы из стран Африки и Ближнего Востока, уровень неодобрения интеграции мигрантов в немецкое общество вырос еще больше: мигранты из Сирии и Пакистана подверглись

вооруженным атакам. По сообщениям местной прессы, националистически настроенная молодежь объединялась через соцсети, чтобы устроить на улицах города «охоту на людей». Этот инцидент продемонстрировал, что даже в демократических странах, давно открытых для мигрантов, все еще возможно насилие против них.

В соседней с ФРГ Польше в опросах 2013 - 2014 гг., 57 % респондентов заявили, что «вероятно, это правда», что «евреи имеют слишком много власти в деловом мире»; 55 % посчитали, что «евреи имеют слишком много власти на международных финансовых рынках»; 42 % убеждены, что «евреи имеют слишком большой контроль над глобальными делами»; и 33 %, что «люди ненавидят евреев из-за того, как евреи себя ведут» [20].

Сегодня консервативные партии занимают 231 из 460 мест нижней палаты польского Парламента. Наибольшее количество мест (193) принадлежит объединению «Право и справедливость», которое продвигает в Польше идеи «национального государства» и «отвергает любые попытки культурного объединения». Деятельность этой партии коренным образом повлияла на закрытие в 2016 г. польского Совета по борьбе с расовой дискриминацией и ксенофобией [21-23].

Сейчас мы наблюдаем, как Польша, под давлением мигрантов из стран СНГ и Ближнего Востока продолжает двигаться в сторону католического и национального государства, крупные либеральные инициативы в другом направлении блокируются правящими правыми силами, все также сохраняется высокий уровень антисемитизма. Однако сейчас признаки присутствующие радикальным национальным формам правления в стране практически отсутствуют: беженцы сохраняют свои гражданские права, их положительный приток сохраняется, а случаев насилия практически не фиксируется. Можно сказать, что Польша пытается сохранять баланс между сохранением национальной культуры и европейским либерализмом. Однако для нас интерес представляет в первую очередь российское общество. Западная культура всегда отличалась экставертностью, в отличие от русской, которая в силу географических и исторических причин, была всегда близка восточной. В. Бачинин считает, что «азиатские влияния в огромной степени способствовали формированию загадочного для европейцев русского характера с целым рядом присущих ему особенностей, таких, как фатализм с его верой в предопределенность земных судеб индивидов, народов и государств, неприязненное отношение к суетному активизму западного образца, к экзальтированности речей и жестов и т.п.». Влияние Востока и Запада на Российское государство оказало сильнейшее воздействие на формирование российского сознания. Социум, в котором уживаются комплексы социокультурной неполноценности и комплекс социокультурной исключительности, способствуют раздвоению целостности «русского духа», нарушают его целостность [24-25].

После проведенного анализа исследований по данной проблеме, автором был предпринят анкетный опрос (РФ, г. Санкт-Петербург и Ленинградская обл., 298 респондентов 17-30 лет, 64 % мужчины и 36 % женщины):

Таблица 1

Результаты проведенного опроса (март 2023 г.)

Вопрос	Ответ «Да»	Ответ «Нет»
«Целесообразно ли обучение в детских садах и школах этнически смешанных групп?»	93,8 %	6,2 %

«Хотели бы Вы посещать в учебных заведениях занятия по изучению культур народов России?»	56,3 %	43,7 %
«Считаете ли Вы, что мигранты в России оказывают положительный эффект на культуру?»	18,8 %	81,2 %
«Считаете ли Вы, что мигранты в России оказывают положительный эффект на экономику?»	31,2 %	68,8 %

Исходя из результатов опроса, можно сделать ряд выводов, касающихся аспектов сегодняшнего положения «культурного расизма» в России.

Во-первых, среди опрошенных не наблюдается стремления к сепарированию учебных коллективов по этническому признаку. Во-вторых, большинство (56,3 %) респондентов проявляют интерес к возможности изучения культуры народов, проживающих на территории РФ, однако, при этом, приток мигрантов в страну респонденты оценивают как негативное явление, как с экономической, так и с культурной стороны.

Кроме того, почти три четверти опрошенных ответили, что наблюдали признаки исламофобии в российском обществе.

В целом, это совпадает с результатами опроса 2022 г., проведенного «Левада-центром»: только 4 % россиян согласны, чтобы выходцы из Центральной Азии были членами их семьи, а четверть предлагают не пускать их в Россию [26].

Говоря о возможности интеграции одной культуры в другую, можно обратиться к ряду существующих концепций, одна из которых популярная в США прошлого столетия парадигма «плавильного котла».

В соответствии с ней, формирование американской национальной идентичности должно идти по формуле «сплавления», то есть «смешивания» народов, при этом предполагается, как их культурное, так и биологическое смешение.

Теоретическое оформление концепция культурного плюрализма получила в 20-х гг. XX в. в работе американского философа Г. Каллена: «Люди могут поменять свою одежду, политику, жён, религию, философию в большей или меньшей степени. Но они не могут поменять своих дедов: евреев, поляков, англосаксонцев, чтобы прекратить быть евреями, поляками, англосаксонцами...» [27].

Однако данная модель была оспорена сторонниками «культурного плюрализма». Основным объектом критики стала дискриминация меньшинств, к которым прежде всего относили представителей чёрной и жёлтой расы. Как отмечается в американской научной литературе, если с точки зрения интеграции и тенденции «плавильного котла» меньшинства являются второстепенными и в конечном счёте должны исчезнуть, то плюрализм, наоборот, определял меньшинства как главное в структуре общества [28].

Кроме того, целиком данная модель, сформулированная теоретическая, имела чисто апологетический характер, т.е. отрицала наличие каких бы то ни было конфликтов в обществе - социальных или этнических.

Тем не менее, по крайней мере часть этой модели сегодня составляет важную часть в американском обществе, она продолжает влиять на снижение уровня расизма в стране и остается одним из базисов движения против дискриминации.

Несколько отличающаяся от модели «котла», но более применимая для европейского общества концепция «салатницы» - концепция интеграции, согласно которой представители различных культур могут образовывать единое, но не гомогенное общество, в котором каждая культура сохраняет свои характерные черты и особенности. Концепция «салатницы» предполагает, что в обществе, членами которого являются представители различных культур и этносов, культурные различия не стираются в процессе ассимиляции, а сохраняются в первоначальном виде, подобно ингредиентам в салатнице [29].

Концепция «салатницы» стала актуальной для Европы благодаря созданию Европейского союза. Согласно его конституции, основополагающими целями интеграционного объединения являются содействие экономической, социальной и территориальной целостности Европы, а также сохранение культурного наследия стран-членов ЕС «в условиях соблюдения принципа уважения к культурному и языковому многообразию государств» [29].

Таким образом, модель «салатницы» полностью соответствует официальному девизу Европейского союза: «Единство в многообразии», который провозглашает создание единого европейского общества, в котором общеевропейские ценности существуют наряду с национальными, а традиции и национальное самосознание государств-членов остаются неприкосновенными.

В европейских реалиях концепция «салатницы» имеет особое значение и в контексте миграционной политики Европейского союза, «основанной на идеалах мультикультурализма и мирного сосуществования различных групп населения, сохраняющих свою национальную идентичность». В соответствии с холистическим подходом к процессу интеграции, закрепленном в итоговом документе Совета Европейского союза по вопросу интеграции граждан третьих стран, легально находящихся на территории ЕС, «интеграция является долгосрочным и многосторонним процессом, в рамках которого культурные различия стран и общеевропейские ценности (такие как соблюдение прав человека, демократия и верховенство права) заслуживают одинакового уважения». В рамках общеевропейской программы по интеграции лиц, не являющихся гражданами ЕС осуществляется продвижение и финансирование проектов, направленных на интеграцию лиц, не имеющих гражданства ЕС. Эта деятельность призвана способствовать развитию интеграционных моделей и инициатив, а также стимулировать соответствующий диалог внутри гражданского общества [30-31].

Данная модель критикуется в том числе и за риски, с которыми связано объединение различных культур в рамках социальной общности. «Сосуществование культур, сохраняющих свою индивидуальность в рамках одного социума, способно поставить крест на обществе как едином целом» [30].

Что касается традиционного примера «салатницы» - Европейского Союза - произошедший в 2016 г. Brexit поставил под сомнение фундаментальность общности ЕС. Это событие подтверждает идею хрупкости общества, построенного по модели «салатницы», риск развития сепаратистских настроений и отделения части мультикультурного общества. Brexit стал не только одним из воплощений серьезных противоречий и разногласий в рядах государств-членов ЕС, но и представил в сомнительном свете судьбу европейской «салатницы».

Тем не менее, длительный опыт существования ряда многонациональных государств и купирования тенденций к сепаратизму показывает, что сосуществование различных культур и этносов в рамках единой общности возможно, даже при наличии сепаратистских настроений. Так, несмотря на стремление к независимости, в состав РФ до сих пор входит Чеченская республика, в состав Испании - Каталония, в состав Франции - Бретань и Корсика, в состав Бельгии - Фландрия и т. д.

Таким образом, можно сделать ряд выводов, касающихся проблемы «культурного расизма», понимания его сущности, его текущего положения и влияния на общество и методов борьбы с его проявлениями.

То, что наши национальные идентичности случайны, не делает их на менее значимыми, что одновременно и плохо, и хорошо: с одной стороны, национализм и патриотизм стимулируют граждан заботиться об обделенных членах своей нации, с другой стороны, благодаря тому что подобная солидарность исторически строилась на сильных культурных маркерах, она легко разрушается, особенно под воздействием сил глобализации.

«Культурный расизм» не только препятствует интеграции и взаимопониманию международных сообществ, но и ограничивает нашу способность понимать и ценить различия в культурах.

1. Уважение культурного наследия: люди должны стараться уважать ценности и традиции других народов. Например, можно формировать фестивали и публиковать материалы о культурных достопримечательностях в СМИ.
2. Образование: введение обучения о культурном разнообразии в школьной программе может помочь детям лучше понимать различия между культурами и научить их уважать и принимать друг друга.
3. Пропаганда позитивного изображения различных культур. Поскольку исследователи относят к одной из причин исламофобии освещение в СМИ деятельности радикальных формирований, создание и распространение позитивных изображений различных культур и на других платформах может помочь бороться с отрицательными стереотипами.
4. Проведение просветительской работы: необходимо проводить мероприятия по борьбе с «культурным расизмом», такие как тренинги, семинары и конференции, чтобы увеличить информированность людей о проблеме и призвать к действиям для ее решения.

Кроме того, существуют некоторые, хорошо изученные модели формирования мультикультурного общества, использование которых способствовало достижению определенных результатов.

Библиографический список

1. Шнирельман В. А. Расизм вчера и сегодня // Pro et Contra, сентябрь-октябрь / Под ред. М. А. Липман. — М.: Гендальф, 2005. Т. 9, вып. Национализм и расизм в России, № 2. С. 41—65.
2. Foucault M. Society Must Be Defended. 1976—1977.
3. Shider L. Encyclopedia of the Third Reich. NY. 1976.
4. Rattansi, A. Racism: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2007, С.8
5. Taguieff, P.-A. The Force of Prejudice: On Racism and Its Doubles. Minneapolis and London: University of Minnesota Press, 2001, С.2
6. Расизм / В. С. Малахов // Пустырник — Румчерод [Электронный ресурс]. (Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / гл. ред. Ю. С. Осипов; 2004—2017, т. 28). 2015. С. 224.
7. Малахов В. С. Скромное обаяние расизма // Знамя. 2000. № 6.
8. Wren K. Cultural Racism: Something Rotten in the State of Denmark? // Social and Cultural Geography. 2001. №2 С.143
9. Grosfoguel R. Introduction: «Cultural Racism» and Colonial Caribbean Migrants in Core Zones of the Capitalist World-Economy // Review (Fernand Braudel Center). 1999. №22. С. 412-413.
10. Fredrickson, G. M. Rassismus. 2011. Stuttgart: Philipp Reclam jun. С. 232-233.
11. Kundnani A. N. Massoumi; T. Mills; D. Miller. Islamophobia as Ideology of US Empire // What is Islamophobia? Racism, Social Movements and the State London: Pluto Press, 2017. С. 35-48.

12. Лункин Р. Н. Статистика европейской религиозности: от секуляризации до триумфа идентичности // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. №3.
13. Fighting anti-Muslim racism: an interview with A. Sivanandan: [электронный ресурс] // Institute of Race Relations: [сайт]. URL: www.irr.org.uk
14. Sapolsky R. This Is Your Brain on Nationalism: [электронный ресурс] // Foreign Affairs [сайт]. URL: www.foreignaffairs.com
15. Дольник В. Р. Непослушное дитя биосферы. СПб., 2003. С. 72—75.
16. OECD-Studie: Deutschland ist zweitbeliebtestes Einwanderungsland [электронный ресурс] // Frankfurter Allgemeiner: [сайт]. URL: www.faz.net. 2014.
17. Zuwanderung: Deutschland nach USA größtes Einwanderungsland [электронный ресурс] // Frankfurter Rundschau: [сайт]. URL: www.fr.de. 2014.
18. Zahl der Ausländer in Deutschland zum Jahresende 2014 bei 8,2 Millionen [электронный ресурс] // DeStatis: [сайт]. URL: www.destatis.de. 2015.
19. Mikrozensus 2013: 16,5 Millionen Menschen mit Migrationshintergrund [электронный ресурс] // DeStatis: [сайт]. URL: www.destatis.de. 2014.
20. ADL Global 100 (Report) [электронный ресурс] // Anti-Defamation League: [сайт]. URL: www.adl.org. 2015.
21. Сейм Республики Польша: [сайт]. URL: www.sejm.gov.pl.
22. Официальный сайт партии «Закон и справедливость»: [сайт]. URL: www.pis.org.pl.
23. Narkowicz K. Re-emerging Racisms: Understanding Hate in Poland [электронный ресурс] // Discover Society [сайт]. [2016]. URL: www.discoverysociety.org.
24. Шарипова Э.М. Феномен религиозности западной и восточной культур // Человеческий и профессиональный потенциал молодежи региона. Тюменский Государственный Нефтегазовый Университет 2014. С.189
25. Шарипова Э.М. Фанатизм в дискурсе социологических исследований // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2013. №4. С. 74.
26. Левада-центр: [сайт]. URL: www.levada.ru.
27. Kallen H. Democracy Versus the Melting Pot. NY. 1915. С. 220
28. Чертина З. С. Плавильный котел. Парадигмы этнического развития США. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2000.
29. Treaty establishing a constitution for Europe, 2005.
30. J.Raj Why Brexit Should Mean the End of Salad Bowl Societies [электронный ресурс] // University of Wisconsin-Milwaukee [сайт]. [2016]. URL: www.uwm.edu.
31. Официальный сайт Совета Европейского союза: [сайт]. URL: www.europa.eu.

Сведения об авторе:

Богданов Евгений Станиславович, студент Тюменского Индустриального Университета, e-mail: bogdanoff72@gmail.com

УДК 930.850+003.26+04.056.5

В.В. Прилуцкий, И.Г. Стефашина

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ОТ ДРЕВНОСТИ ДО СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация: в статье рассмотрены основные вехи в истории информационной безопасности в различных странах мира. Информационная безопасность связана с осуществлением защиты от несанкционированного доступа, раскрытия, изучения, записи, использования, преднамеренного изменения или уничтожения информации. Актуальность исследования обусловлена тем обстоятельством, что информационно-политическая борьба в истории геополитического противостояния всегда играла одну из ключевых ролей, являясь частью гибридной, мозаичной или многоуровневой войны. Большое значение проблема информационной безопасности приобрела в контексте информационных (информационно-психологических) войн XX–XXI вв. Проведенный в данной работе анализ эволюции систем информационной безопасности (шифрование документов в древности, средневековая тайнопись, перлюстрация нового времени и др.) позволяет сделать вывод о том, что многие их методы легли в основу современных ключевых принципов компьютерной безопасности и способов защиты данных.

Ключевые слова: информационная безопасность: история, история криптографии, информационная (информационно-психологическая) война, гибридная война, современная компьютерная безопасность

Prilutskiy V.V., Stefashina I.G. Historical aspects of information security: from antiquity to the present

Abstract: the article discusses the main milestones in the history of information security in various countries of the world. Information security is associated with the implementation of protection against unauthorized access, disclosure, study, recording, use, intentional modification or destruction of information. The relevance of the study is due to the fact that the information and political struggle in the history of geopolitical confrontation has always played one of the key roles, being part of a hybrid, mosaic or multi-level war. The problem of information security has acquired great importance in the context of information (information and psychological) wars of the XX–XXI centuries. The analysis of the evolution of information security systems in this work (encryption of documents in antiquity, medieval cryptography, perlustration of the new time, etc.) allows us to conclude that many of their methods formed the basis of modern key principles of computer security and methods of data protection.

Keywords: information security: history, history of cryptography, information (information and psychological) war, hybrid war, modern computer security

Существует множество определений понятия «безопасность», но исследователями они не сводятся к ее пониманию исключительно как «отсутствие опасности» или «отсутствие угроз». Емкость термина «безопасность» не вызывает сомнений, но все же главными ее составляющими являются понимание ее связи с человеческим развитием и защищенностью от деструктивных воздействий. Как правило, безопасность рассматривается как сложное, многостороннее, многоаспектное явление, как необходимое условие существования и устойчивого прогрессивного развития социальных и природных объектов, динамическое состояние равновесия системы, как надежность существования объектов [8, с. 6–12]. Большое значение имеют субъекты безопасности, их объективные потребности, интересы, их статус, потенциал, мощь и возможности по самосохранению и развитию. Информационная безопасность – важнейшая форма обеспечения национальной безопасности, которая приобрела в последние десятилетия особенно актуальный характер.

Информационная война (информационно-психологическая, ментальная, концептуальная, когнитивная, психоисторическая, нетрадиционная война) – противоборство между сторонами с помощью специального информационного и психологического воздействия. В современных условиях является частью глобальной многоуровневой (многодоменной) войны и существования глобального информационного пространства. Большое значение приобретает в

этих условиях защита от враждебных информационных и информационно-технических воздействий, а также противодействие дезинформации противника [2; 7; 9; 10]. Подобные воздействия могут осуществлять государства и их спецслужбы, международные организации, ТНК и другие корпоративные структуры, внутренние и международные НПО и НКО, обладающие собственными информационными ресурсами, включая подконтрольные СМИ. В последние десятилетия большое значение приобрели глобальные финансовые корпорации и инвестиционные фонды, Интернет-провайдеры, владельцы открытых национальных и транснациональных телекоммуникационных систем, медиа-холдинги, фирмы-разработчики новых информационных технологий, идеологически настроенные «виртуальные сообщества» [8, с. 28–31]. Эти элементы глобального информационного пространства могут нести угрозы информационного характера для Российской Федерации.

Еще в древности применялись методы, обеспечивавшие информационную безопасность (III тыс. до н.э.). Одним из них являлось шифрование документов (начавшееся около 4 тыс. лет назад на Ближнем Востоке и в Индии). Известны: криптография Древнего Египта, атбаш Ветхого Завета, скитала (считала) Древней Спарты, диск, линейка и книжный шифр Энея IV в. до н. э., квадрат Полибия II в. до н. э., моноалфавитный шифр Цезаря около 50 г. до н.э. В средние века получили известность специальные техники записи символов алфавита, затрудняющие его чтение («вязанные руны» Северо-Западной Европы и древнерусские тайнописи) [6; 11]. В древнерусских текстах встречается множество систем шифрования. Среди них можно отметить систему «чуждых писем» (тайнописи глаголицей, латиницей, греческой азбукой, древнепермским письмом (абур), систему измененных знаков (тайнопись инок Луки, различные полусловицы и др.), разного рода системы нарочно придуманных знаков (условные и усложненные алфавиты), замены букв (простая и мудрая литорея или тарабарское письмо, письмо в квадратах), счетные системы (цифровой, описательный и значковый разряды). На Руси также использовались обратное письмо, акростих, а также тайнописная вязь в титулатурах, книжных заголовках, на знаменах, в монограммах, монокондил, поморская вязь и т.п. В новое время возникло тайнописное письмо Петра I. Важным принципом информационной безопасности еще в древности являлся контроль за обращением с секретными документами. Их хранили в специальных прочных коробках, ларцах, ящиках или шкатулках в защищенных помещениях и передавали только с доверенными лицами под охраной.

В конце средних веков и в начале нового время появилась перлюстрация (вскрытие без ведома пишущих и тайный просмотр пересылаемых писем), первые сведения о существовании которой относятся к эпохе французского короля Людовика XI Благоразумного или Осторожного (1461–1483). На законодательном уровне впервые в мире перлюстрация была введена во Франции с 1590 г. В 1628–1668 гг. в этой стране, благодаря усилиям знаменитого кардинала Ришелье, инициировавшего почтовую реформу, впервые в истории были созданы на почтамтах специальные «черные кабинеты», занимавшиеся перлюстрацией и дешифровкой корреспонденции. Впоследствии Людовик XIV в дополнение к «черным кабинетам» создал полицейское политическое бюро. В 1653 г. в Англии возник аналогичный орган – Тайная канцелярия. В дальнейшем секретные комнаты в почтовых отделениях для тайного просмотра корреспонденции появились практически во всех странах Европы. В России в эпоху Петра I в условиях ведения Северной войны перехватывались «подозрительные» письма [4, с. 6–8]. Своего расцвета в Европе перлюстрация достигла в середине XVIII в., когда происходило не только дешифрование, но и подмена содержания писем. Для осуществления криптоанализа сообщений привлекались выдающиеся европейские математики того времени. В начале XIX в. в Российской империи криптографическая деятельность ведала канцелярия министерства иностранных дел, которой удалось дешифровать приказы и переписку Наполеона в период

Отечественной войны 1812 г. Службы, занимавшиеся перлюстрацией в Англии, Франции и Австрии, прекратили свое существование в 1840-е гг.

В середине XIX в. были созданы сложные системы кодирования конфиденциальной информации. Секретная передача информации осуществлялась с помощью стеганографии, т.е. сокрытия данных с помощью невидимых (симпатических) чернил или микрочеток. В 1889 г. в Великобритании и Британской Индии были приняты законы о государственной тайне, регулировавшие в интересах государства различные аспекты обращения с секретной информацией и противодействия шпионажу. В 1923 г. был принят новый вариант британского закона о государственной тайне. В эпоху Первой мировой войны и в межвоенный период (1918–1939 гг.) еще более усложнилось многоуровневое кодирование информации, поскольку шифрование и дешифровка документов осуществлялась с помощью машин. Сформировались специальные военные подразделения, занимавшиеся шифрованием и криптоанализом секретной информации. Наиболее известным из них была «комната 40» – криптографический орган британского Адмиралтейства (военно-морского ведомства). В конце 1914 г. «комната 40» при содействии России взломала германские военно-морские коды, что позволило проводить регулярную дешифровку перехваченных радиogramм военного флота Германии. В 1920-е гг. получило распространение во многих странах мира семейство электромеханических шифровальных машин «Энигма», созданное немецкими инженерами в 1918 г. Однако в 1932 г. польское Бюро шифров при содействии французской разведки сумело дешифровать шифр «Энигмы» с помощью специального устройства, получившего название «криптологическая бомба».

В 1938 г. и 1942 г. в нацистской Германии были созданы обновленные версии «Энигмы», использовавшиеся вермахтом и многими службами Третьего рейха. Но британские криптографы в 1941–1942 гг. научились расшифровывать немецкие сообщения и успешно читали их вплоть до конца Второй мировой войны. Британцы применяли для дешифровки специальную машину под названием «бомба Тьюринга» («Turing Bombe») [1, с. 14, 191–193]. Любопытно, что во время войны на Тихом океане (1941–1944 гг.) Америка для засекречивания радиопереговоров использовала экзотические языки команчский, чоктавский и племени навахо, носителями которого являлись солдаты - выходцы из индейских народов. Япония не смогла дешифровать сообщения на этих языках. Любопытно, что в радиопереговорах индейцы называли танки «черепашками», пулеметы – «швейными машинками», а Гитлер носил прозвище «Безумный белый человек» [12]. В период Второй мировой войны между странами-союзницами происходило также согласование систем кодирования, процедур контроля и методов защиты информации. Создавались новые специальные сейфы и складские помещения для хранения секретных документов. Разрабатывались маркировки для документов, методы обращения с информацией и способы хранения бумажных носителей данных, а также процедуры надлежащего уничтожения документов. В середине XX в. получила развитие математическая криптография.

В 1925–1926 гг. в СССР появилась защищенная правительственная и военная телефонная ВЧ-связь (высокочастотная). Основывалась на изменении голосовых высокочастотных сигналов и их скремблировании (кодировании). Использовалась в высших органах управления государством и армией. В 1930-е гг. активно развивалась при личном участии Л.П. Берия как оперативная связь органов ОГПУ – НКВД. В 1970-е гг. ВЧ-связь была заменена на более совершенную в техническом отношении систему, использовавшую цифровые методы шифрования. В позднем Советском Союзе и постсоветской России специальная радиотелефонная подвижная, засекреченная телекодированная и мобильная связь получила название ЗАС (засекречивающая аппаратура связи). Ее основными системами, эксплуатировавшимися вплоть до 2010-х гг., являлись «Кавказ» и «Алтай». В конце 1970-х гг. в разных странах мира появилась

криптографическая система с открытым ключом (разновидность асимметричного шифрования), впоследствии широко использовавшаяся частными лицами.

В условиях современного глобального противостояния, частью которого является информационное противоборство, большое значение приобретает противодействие скрытым и явным враждебным информационным и информационно-техническим воздействиям. Информационно-психологическое воздействие направлено на воздействие на системы управления и принятия решений, на традиционный образ жизни населения и модель его потребления. Происходит также незаконное получение и использование информации и данных, умышленное нарушение нормального функционирования информационных процессов, манипуляция информацией, уничтожение информации и информационных объектов. Главная задача информационной безопасности – обеспечение защиты национальной информационной инфраструктуры. Необходимо также недопущение достижения информационного превосходства одной из противоборствующих сторон конфликта.

В научной литературе еще в 1970-е гг. сложилось представление о 3-х ключевых принципах информационной безопасности («классическая триада»), которые стали общепринятыми: конфиденциальность, целостность информации и ее доступность авторизованным лицам. Иногда к ним добавляется 4-й принцип – невозможность отказа от исполнения обязательств в сфере информационной безопасности. В последние десятилетия исследователи и специализированные организации предложили собственные модели информационной безопасности, которые включают в себя отличающиеся от «триады» принципы, атрибуты или фундаментальные аспекты. Среди них: осведомленность, ответственность, противодействие, этика, демократия, оценка риска, разработка и внедрение безопасности, управление безопасностью, пересмотр, поддержка миссии организации, неотъемлемая составляющая рационального менеджмента, экономическая эффективность, всеобъемлющий и комплексный подход, ограничение социальными факторами, владение или контроль, аутентичность, полезность, подверженность системы риску, доступность уязвимости, способность эксплуатировать уязвимость, приоритетные, долгосрочные и технические цели безопасности, качество информации, контроль доступа (доступность), подлинность, подотчетность, невозможность отказа, достоверность и т.п. [3, с. 236–312].

В 1950–1960-е гг. в СССР и США создавались компьютерные сети, предшествовавшие появлению Интернета. Как правило, они служили военным целям (ПВО, ПРО) (советские «Кабель», «Эльбрус», «Заря») или для специального назначения (отечественные «Сирена», «Экспресс», «Академсеть»). В 1969–1990 гг. в США существовала компьютерная сеть ARPANET – предшественник современного Интернета. Сеть ARPANET уже в начале 1970-х гг. обнаружила сильную уязвимость в отношении сохранения и защиты информации. В начало XXI в. на небывалый уровень вышла компьютеризация всех сфер жизни. Стремительно развивались глобальные телекоммуникации. Но эти процессы имели и негативную составляющую: возникновение киберпреступности и международного терроризма, способствовавшего появлению кибертерроризма. В результате сформировались специализированные государственные институты и профессиональные организации, занимающиеся совершенствованием методов защиты компьютеров, информационных систем и информации. Возникли научные и академические дисциплины: «Информационная безопасность», «Компьютерная безопасность» и «Методы защиты информации».

В настоящее время понятию «информационная безопасность» придается огромное значение. Это связано с защитой персональных данных, конфиденциальной информации от несанкционированного доступа, а также необходимостью защиты национальных интересов страны. Работа, которая проводится по предотвращению доступа к данным физических лиц,

направлена на недопущение мошенничества со стороны лиц, которые обманным путем, получая доступ к персональным данным, могут осуществить неправомерные действия в отношении граждан. В организациях и на предприятиях также ведется работа по недопущению действий, направленных на допуск к информации, которая представляет государственную и коммерческую тайну. Для этого используются различные средства защиты: технические, программные, организационные, административные. Руководство разрабатывает правила доступа к секретной информации, контроль за посещением зданий и помещений посетителями.

Библиографический список

1. Бауэр Ф. Расшифрованные секреты. Методы и принципы криптологии. М.: Мир, 2007. 550 с.
2. Власенко И.С., Кирьянов М.В. Информационная война: искажение реальности. М.: ИД «Канцлер», 2011. 196 с.
3. Жельников В. Криптография от папируса до компьютера. М.: АБФ, 1996. 335 с.
4. Измозик В.С. «Черные кабинеты». История российской перлюстрации. XVIII – начало XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 693 с.
5. Измозик В.С. Черный кабинет. К истории перлюстрации в России // Родина. 2000. № 10. С. 48–54.
6. Кан Д. Взломщики кодов. М.: Центрполиграф, 2000. 471 с.
7. Кокошин А.А. Феномен «гибридной войны» в силовой составляющей современной мировой политики // Вестник Российской академии наук. 2018. Т. 88. № 11. С. 271–278.
8. Логунов А.Б. Региональная и национальная безопасность. М.: Вузовский учебник, 2009. 432 с.
9. Панарин И.Н. СМИ, пропаганда и информационные войны. М.: Поколение, 2012. 260 с.
10. Почепцов Г.Г. Информационные войны. М.: Алгоритм, 2015. 254 с.
11. Сингх С. Книга шифров. Тайная история шифров и их расшифровки. М.: Астрель, 2007. 447 с.
12. McKay S. The American Indian code talkers who helped revolutionize cryptography and win WWII [Электронный ресурс]. – Mode of access: <https://crimereads.com/the-american-indian-code-talkers-who-helped-revolutionize-cryptography-and-win-wwii/>. – Date of access: 10.09.2023.

Сведения об авторах:

Прилуцкий Виталий Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, e-mail: bgu.fiimo.kafedra29@yandex.ru

Стефашина Ирина Григорьевна, преподаватель Брянского филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, e-mail: stefashina.irina@yandex.ru

О сетевом издании «История. Общество. Политика.»

Периодичность и форма издания: «История. Общество. Политика» - сетевое издание с периодичностью выхода 4 раза в год.

Начало издания: декабрь 2016 г.

Учредителем и издателем сетевого издания является Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Информация о регистрации: Сетевое издание «История. Общество. Политика.» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ЭЛ №ФС 77-66859 от 15.08.2016 г.

Знак информационной продукции 16+

Сетевое издание будет представлено в Научной электронной библиотеке (НЭБ) — головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Сайт сетевого издания: <http://www.clio-brgu.ru> поддерживает русскоязычную и англоязычную версии. Сетевое издание находится в открытом доступе: весь контент доступен пользователям бесплатно. Читатели в рамках законодательства имеют возможность искать, читать, загружать, копировать, распространять, печатать полные тексты статей или ссылаться на них.

Тематика сетевого издания

Сетевое издание специализируется на публикации научных статей, содержащих новые научные результаты в области теоретических и прикладных исследований и соответствующих по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников:

- 07 – исторические науки и археология;
- 23 – политология

К публикации принимаются статьи, написанные на русском, английском и немецком языках. Русскоязычные статьи включают полный текст на русском языке и аннотированную часть на английском языке. Англо- и немецкоязычные статьи, наоборот, включают полный текст соответственно на английском или немецком языке и аннотированную часть на русском языке. *Статьи публикуются на некоммерческой основе.*

Рецензирование рукописей

Все статьи, поступающие в редакцию для публикации, направляются на независимое рецензирование специалистами в данной области, имеющими в течение последних 5 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензирование организуется редакционной коллегией. Рецензии хранятся в издательстве в течение 5 лет. Редакционная коллегия направляет авторам представленных для публикации материалов копии рецензий при наличии в них замечаний или мотивированный отказ в публикации. Редакционная коллегия принимает решение о публикации статьи на основании проведенного рецензирования. Редакционная коллегия направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

• Контакты

Рукописи статей, подготовленных с учетом требований редакции сетевого издания «История. Общество. Политика» следует присылать на электронную почту artamoshinsv@mail.ru
Почтовый адрес для предоставления статей: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14, корп. 2, каб. 201

Телефон для справок по поводу публикации и техническому оформлению статей: +7 (4832) 66-66-45

Адрес в сети Интернет: www.clio-brgu.ru